B
B 153 —
205

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач_____

Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 1[illegible]

Н. Н. ФИРСОВ

В153 / 205 X
9(47):323.2:342
Ф-61.
947 Р.Д
Ф-61
18609
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА РУСИ В XVII ВЕКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

715663

Главлит № 90759 Гиз № 19887 Тираж 4.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

Незабвенной памяти безвременно погибшего сына Николая Николаевича Фирсова посвящает автор - отец

этот небольшой труд.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор уже не раз касался народных движений на Руси в XVII веке. Раньше им были опубликованы: «Разиновщина» (1906 г.), выдержавшая четыре издания, «Народные движения на Руси до XIX века», «Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья», «Чтения по истории России», где говорится и о народных движениях в XVII столетии.

Само собой понятно, что, рассказывая о народных движениях в XVII столетии, автор тем самым говорил и о крестьянском движении, так как это было движение главной массы населения; но в упомянутых сочинениях крестьянское движение не было резко выделено из всего комплекса народного движения тех времен. Предлагаемая научно-популярная работа отличается от предшествующих тем, что она останавливается именно на крестьянском движении, которому уделяется преимущественное внимание. Приэтом, впрочем, указываются та связь, в какой крестьянское движение находится с движением других классов и групп населения, а также и та роль, какую в крестьянском движении играли отдельные выдающиеся лица. Но эти указания в данной работе более или менее кратки— главное внимание сосредоточено на крестьянском движении, на крестьянской революции. Думаю, что при

таком подходе к этой теме крестьянскую революцию в XVII столетии (на Руси) в настоящем сочинении удалось изобразить более обстоятельно и отчетливо, так как, кроме того, привлечены частью и новые, неизданные материалы. Во всяком случае выпущенная книжка—пересмотр вопроса, а не пересказ излагавшегося автором раньше. За подробностями же всего того, что непосредственно не относится к крестьянскому движению, читатели благоволят обращаться к названным выше сочинениям автора [1], помимо, разумеется, аналогичных сочинений других авторов.

Автор.

16 ноября 1926 г.

---

[1] Так же „Смута и народ на Руси в XVII столетии". Москва, 1919 г., и в моих „Исторических характеристиках и эскизах", т. I. Казань, 1922 г.

Глава I

Потеря крестьянством земли

С самых древних времен главная масса населения в Окско-волжском крае, где постепенно образовалось так называемое Московское государство — политический центр «всея Руси», занималась земледелием. В татарскую эпоху за этой земледельческой массой утвердилось название «хрестьян» или крестьян (христиан— в отличие от мусульман). Землю, которую крестьяне обрабатывали, они считали своею, пока ее обрабатывали, основываясь просто на праве первого завладения порожней землей и приложенного к ней личного труда. Это были еще те далекие времена, когда земля в Окско-волжском крае не имела цены вследствие ее обилия. К тому же край был лесной, с малоплодородной суглинистой почвой. Приходившие сюда «смерды», как назывались крестьяне в домонгольскую эпоху, селились по суходолам, подсекали окружавший их лес, выжигали и выкорчевывали древесные пни и распахивали освобожденную таким путем землю. Так начиналось в крае земледельческое хозяйство, называющееся подсечным. Земля быстро выпахивалась, урожаи, значительные раньше, становились слабыми и не оправдывали уже прилагавшегося к земле труда. Недовольный недородами поселенец ее бросал, бросал свое, не-

хитрым образом построенное жилье—«избу» и переходил на другое место, где повторялись те же самые работы, как и на первом, и с теми же самыми результатами—с хорошими урожаями вначале и с упадком производительности почвы впоследствии.

Нельзя, конечно, представлять население той эпохи кочевым. Передвижение было не столь частым; проходили многие годы, иногда десятки лет,—крестьяне все оставались на своем участке; вероятно, нередко сын или даже внук, а не первый поселенец, переходил на другое место. Но тем не менее передвижение крестьянского населения происходило, и, несомненно, бывало нередко и так, что один и тот же поселенец переходил несколько раз, ища лучшего места. Словом, в общем неустойчивости крестьянства в те времена на местах его жительства и земледельческого труда отрицать никоим образом нельзя.

Уже эта неустойчивость земледелия, подвижной его характер объясняет многое в отношении трудящегося населения к земле. Вопервых, оно не считало ее навсегда своею собственностью: ему ничего не стоило ее покинуть. Оно привыкало временно владеть землею, считая собственностью лишь результаты своего труда на ней. Поэтому, вовторых, земля сама по себе в глазах населения не имела ценности: в начальные времена славяно-русской колонизации верхневолжского края нераспаханных местностей было слишком много. Поэтому трудящимся населением земля, как и остальные дары природы, считалась ничьей или «божьей». Все это содействовало тому, что крестьянство тех отдаленных времен, разбросанное на громадных пространствах и совершенно не организованное для общего отпора явившимся в страну вооруженным дружинам, пассивно относилось к присвоению земли всего края.

Главными вождями этих дружин были князья, а потом и один князь—владыка над всей землей— московский государь, когда он подчинил всех князей Окско-волжского края своей единой власти. Но князь-государь, сделавшись собственником земли, начал порождать и других собственников. Он раздавал отдельные участки во владение своим сподвижникам и слугам, а также потянувшимся за вооруженными людьми в лесистый северный край представителями православной церкви. Да и сами эти сподвижники—бояре и слуги—не плошали. Нередко они просто захватывали земли силой, вместе с сидевшим на них крестьянским населением. Так сверх княжеского создалось боярское,—служилое и церковное—архиерейское и монастырское землевладение. Не создалось лишь крестьянское землевладение, т. е. землевладение тех, которые работали на земле своими руками. Крестьяне очутились на земле, уже забранной другими хозяевами: или на государевой, т. е. дворцовой, или на боярско-служилой, или на монастырской земле. Крестьяне пользовались землей, но земля принадлежала не им. Даже и в том случае земля была не крестьянской, когда она еще не была захвачена означенными высшими классами. Таких земель, которые оставались пока никем незанятыми или находились только в фактическом владении крестьян, было в те времена еще много. Они назывались черными землями. Эти земли не входили в состав дворцового землевладельческого хозяйства. Но так как собственником всей страны считался государь, то и эти земли считались государевыми. На них сидели тоже крестьяне, получившие название черносошных; это мелкие вотчинники, фактически они владели землей; но чувствительное для них общение с московской государственностью выработало в них по-

нимание различия между землепользованием и землевладением в точном смысле последнего слова. Эти крестьяне не считали себя собственниками обрабатываемой ими земли. Черносошный крестьянин XVI века говорил: «Та земля (черная) великого государя, а моего владения», понимая под словом «владение»—пользование землей. Земля его—крестьянина, пока он ее обрабатывает и, следовательно, платит за нее подати и исполняет разные повинности настоящему ее хозяину—«великому князю». «Та земля,—пояснял тогда же черносошный крестьянин,—божья да государева, распаши и ржи наши».

Плоды своего труда на земле крестьяне XVI века твердо считали своею собственностью. Но на крестьянский труд и его результаты с древних времен начал возлагать надежду тот общественный класс, который считал себя собственником земли. Это крупные и менее крупные, средние и мелкие землевладельцы-феодалы. Верхний слой их составляло так называемое боярство: 1) нетитулованное, происходившее из прежней старшей дружины московского князя и 2) титулованное, происходившее от прежних великих и удельных князей, княжества которых вошли в состав Московского государства. Московское боярство владело наследственными вотчинами. Потеряв прежнюю политическую власть, титулованное боярство сохранило многие свои прежние владения, где предки его были владетельными князьями, государями; но сохраненные владения были на праве частной собственности. Бояре-князья вместе с стародавними московскими нетитулованными боярами, наделенными от своего патрона, московского государя, большими вотчинами, были крупными землевладельцами, «богатинами», вызывавшими зависть и ненависть в средних и мелких зе-

млевладельцах. Последние происходили от так называемых «вольных и невольных слуг» московского князя—слуг, иногда вышедших из крестьянства, и «надворных холопов» феодального владельца. Они за службу наделялись участками земли, носившими название «поместий». Это были землевладельцы-помещики. Вместе с боярством владея огромной земельной площадью, они довольно рано, раньше, чем это представлялось прежним историкам, начали закабаливать и труд крестьянского населения, сидевшего на их земле. А это и повело в конце концов к тому, что и на самые продукты своего труда крестьянин не всегда мог рассчитывать, как на полную свою собственность, хотя бы он их добывал исключительно для себя, а не для землевладельца. Это было неизбежным результатом чисто экономической эволюции жизни общественных классов, на которые распалось население Окско-волжского края.

Глава II

Развитие торгового капитала и влияние этого фактора на феодальный строй общества

Большинство населения в Окско-волжском крае занималось земледелием. Это, значит, была крестьянская страна, разделенная между феодалами разных калибров, которые во второй половине XV века окончательно подпали под власть самого крупного и богатого из них—московского князя, ставшего великим князем и государем «всея Руси». Но в этой, земледельческой и землевладельческой, феодальной стране, благодаря удобным речным путям, очень рано начала развиваться торговля, в оборот которой поступали прежде всего продукты сельского хозяйства, главным образом хлеб, шедший в малоплодородную и нуждавшуюся в привозном хлебе Новгородскую область. На почве этой торговли развивались ее опорные пункты—города и среди них прежде всего центральный из них—Москва, где находился главный узел речных путей, идущих отсюда на северо-запад и на юго-восток, а также и на юго-запад. Эти пути связывали Окско-волжский край с Озерным, со Средним и Нижним Поволжьем и с Поднепровьем, или, иначе, с Балтикой, Каспием и Черноморьем. Само собой понятно, что в Москву, Нижний и другие города Окско-камского края

привозились товары изо всех этих стран, расходясь отсюда в разных направлениях, в эпоху самостоятельности коммерческой Новгородской республики, особенно в северо-западном направлении. Торговля создавала и развивала рынки как городские, так и сельские. Города пополнялись пришлым и оседавшим в них населением. Это—крестьяне, по тем или другим причинам отбившиеся от пашни. Они становились ремесленниками, представлявшими промышленный класс, нуждавшийся в хлебе. Отсюда усиление хлебной торговли и вообще развитие рынка, на который работало и ремесленное производство. На рынке, разумеется, господствовали люди, которых торговый оборот возвысил над остальными, т. е. более или менее богатые купцы, верхний слой которых, небольшой количественно слой оптовых торговцев, назывался «гостями». Это особый класс, созданный торговлей. Но торговля притягивала к себе и представителей феодального общества. В международной торговле прежде всего участвовал самый главный из феодалов—московский великий князь. Он запрещал своим купцам как продавать свои товары иностранным купцам, так и покупать у них, прежде чем он сам продаст и купит. Он был первым купцом в государстве. Все остальные феодалы, как и их сюзерен, тоже принимали участие в торговле, отправляя на рынок хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Это была общая погоня за наживой, через торговлю, за деньгами. Так в Окско-волжской стране создавался торговый капитал, начало которого нужно отнести чуть ли не ко времени Ивана Калиты, правителя уже настолько денежного, что он от современников получил прозвание «мешок с деньгами» (Калита). К первой половине XVI столетия торговый капитал в этой стране, ставшей Мо-

сковским государством, сделал поразительные успехи. Вместе с тем, разумеется, делало успехи и денежное обращение, на почве которого создавалась и развивалась торговля, в том числе торговля деньгами, т. е. ростовщичество. М. Н. Покровский отмечает несомненное существование торгового капитализма в Московском государстве уже в первой половине XVI века, причем, как подчеркивает этот ученый, обнаружились преимущества крупного капитала пред мелким [1]. Но если процент был обычно очень высок, как сообщает современный наблюдатель Герберштейн, то надо думать, что пока крупные капиталы в Московском государстве еще были редки, а нуждавшихся в деньгах было уже достаточно много. Вот эта-то денежная нужда, родившаяся вместе с развитием торговли и торгового капитала, и повлияла существенным образом на сельское хозяйство той поры и чрез то повела и к разложению древнего феодального строя. Крестьяне, сидевшие на владельческих землях, платили своим феодалам всякого рода натурой, как-то: хлебом, овцами, птицей, яйцами, что шло на содержание барина и его дворни. Раньше, до развития денежного хозяйства, все это требовалось в довольно умеренном количестве, определявшемся жизненною потребностью барской усадьбы. Теперь, в XVI веке, надо было удовлетворять неизмеримо более широкую потребность рынка, чтобы добыть на нем деньги. Поэтому пришлось приналечь на крестьянский труд и требовать с него значительно больше, чем он давал раньше; а так как с крестьянского хозяйства, сколько из него ни выжимай, многого не получишь, то пришлось заводить свою особую барскую запашку и выискивать

[1] М. Н. Покровский. Марксизм и особенности исторического развития России. Ленинград, 1925 г., стр. 26 и сл.

всякие способы, чтобы привлекать к ней, помимо своих холопов, и крестьян, имевших пашню на той же владельческой земле. Так появилась «барщина», т. е. работа крестьян в пользу барина, хозяина той земли, на которой они сидели. Но этого мало. Нельзя было оставаться с той системой хозяйства, которая господствовала в денежную эпоху. Тогда довольствовались подсечной системой, теперь пришлось перейти к п е р е л о ж н о й, т. е., не теряя времени на новую очистку земли от леса, распахивать «пустоши», т. е. землю, распаханную раньше, но по использовании в известное время пущенную на отдых, или в перелог. Таким образом перед земледельцем всегда было готовое поле; истощал одно—сейчас же принимался за другое. Но напряженность в обработке земли (интенсификация) пошла дальше: начали переходить к той системе, господство которой в нашем сельском хозяйстве жило до настоящего времени, т. е. к хорошо известному трехполью, когда под работой находятся сразу два поля, а третье под паром—отдыхает.

Вместе с тем произошла перемена и в оброчной системе. Прежде всего начали брать не по потребностям усадьбы, а по коммерческим планам владельца, стало быть, известную часть урожая на крестьянской пашне, хотя бы эта часть и много превышала то количество, которое было необходимо для потребления владельца и его дворни; излишки собираемого хлеба, об увеличении которых помещики стали сильно хлопотать, шли на рынок. Хлебный рынок с течением времени расширился; увеличивалась и та часть урожая, которую требовал с крестьян помещик в виде оброка. Но, кроме хлеба, в виде оброка собирались и другие продукты крестьянского труда; многие из них помещик заменяет денежными сборами, так как

приобретение денег делается главной целью его сельского хозяйства. Само собой понятно, что переход от натурального оброка к денежному был весьма чувствителен для плательщика-крестьянина; он должен был сам свои продукты везти на рынок, чтобы затем вырученные от продажи их деньги отдать своему барину, и, конечно, для составления этой оброчной суммы крестьянину приходилось продавать больше продуктов, чем сколько он их раньше представлял помещику для удовлетворения продовольственной потребности его усадьбы. Вообще с возникновением рынка и с развитием денежного хозяйства стала увеличиваться эксплоатация труда крестьян землевладельцами. Они выжимали из крестьянского труда больший, чем раньше, прибавочный продукт, чтобы излишек его доставлять на рынок. Крестьянин должал и запутывался в долгах, как в сетях. Земледелец прикреплялся к землевладельцу своим долгом, и в этом смысле походил на безземельного, на бобыля, взявшего на себя кабалу за ссуду и ставшего кабальным холопом своего кредитора. В холопы шли по «самой большой нужде». Само московское правительство указывало именно на эту причину холопства—крайнюю бедность, безвыходность положения. Землевладельцам это было на-руку. Они имели свою «большую нужду»—в рабочих руках.

В то время, как бы в добавление к вотчинному землевладению развивалось поместное землевладение. Московский государь наделял и бояр и всех остальных служилых людей участками земли, получившими название «поместий», с которых все они должны были служить «великому государю». Этим условным поземельным владением и бояре и все служилые объединялись в единый служилый класс—в класс помещиков. Все помещики нуждались в рабочих руках для своих

поместий, но не в одинаковой мере, ибо они сами были неодинаковы. Были помещики знатные и крупные вотчинники, были средние, были и такие, которые не имели совсем вотчин, т. е. наследственных владений, но кормились только с пожалованных им поместий. Московское правительство, желая сбить феодальную спесь с «князей и бояр», стремилось и их включить в тот же класс служилых, из коих иные были вчерашними «задворными людьми», т. е. холопами в дворцовом хозяйстве московского великого князя. Московское правительство всех землевладельцев-феодалов старалось прикрепить службой «великому государю», обязав служить не только с данных поместий, но и с вотчин, объединяя «князей и бояр» с остальными служилыми, бывшими «страдниками», не только поместьем, но и денежным жалованьем, выдававшимся за службу. «Великий государь» как самый крупный помещик стремился к тому, чтобы все, притягиваемые к нему службой, фактически были его холопами. Раньше он привык вести свое удельно-феодальное хозяйство при помощи ключников—холопов; естественно ему было смотреть на своих слуг в объединенном Московском государстве так же, как на своих холопов. Но это объединительное стремление не помешало землевладельческому классу остаться экономически разделенным на две количественно неравные социальные группы: на крупных вотчинников и помещиков—преимущественно бояр княжеского происхождения—и на остальную служилую массу, низы которой по своему материальному состоянию близко подходили к условным владельцам черных земель—крестьянам.

Новая система сельского хозяйства сильно повлияла на склад феодального общества. Под влиянием нового экономического фактора—торгового капитализ-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ма, вызвавшего усиленную эксплоатацию земли и крестьян, начало изменяться соотношение между крупными и мелкими феодалами, т. е. между владетелями больших родовых, большею частью княжеских вотчин и служилой массой, наделенной поместьями. Раньше, при полном господстве натурального хозяйства, крупные феодалы, в особенности потомки князей великих и удельных, были крепки и сильны, ибо со всех земель могли прокормить много вооруженной челяди, много имели и слуг несвободных, холопов, дававших им мощь и значение. Этою мощью и значением они пользовались в центре, в Москве, где при дворе великого князя и в думе боярской задавали тон и вообще представляли одну из блестящих аристократий Европы. Жизнь в Москве, содержание громадной дворни, выезды с великим князем на охоту и на богомолье по монастырям требовали больших средств, но громадные родовые вотчины давали им возможность с излишком получать эти средства в натуре: большим господам в Москву из их сел везли в изобилии всякую живность и вообще все, что производило обширное, но несложное натуральное хозяйство их родовых вотчин. Но вот времена меняются—в патриархальный быт врывается новое требование,—требование денег, как меновой единицы для приобретения того, чего не могут доставить даже самые большие вотчинные владения с их натуральным хозяйством. Развивается торговля, расширяется рынок, на котором можно приобрести и заморские невиданные вещи, предметы роскоши, столь льстящие великородному феодальному тщеславию; но для того, чтобы получить все эти заманчивые товары, нужны деньги и деньги. Где их взять? Денег у самого великородного боярства не было. Очевидно, для приобретения их надо было увеличить количество полу-

чаемых с крестьян продуктов, особенно тех продуктов, которые могли наилучшим образом сбываться, например, зерновых хлебов, и пускать их в продажу на рынок. Так и начали делать все землевладельцы-феодалы. Но разница была в том, что наиболее крупные из них, великородные бояре, сами не жили в своих вотчинах, вместо них там вели хозяйство их приказчики; значит, настоящего хозяйского взгляда не было, хозяин отсутствовал, он уже успел привыкнуть к роскошной жизни в столице при государе и не желал ее менять на деревенскую глушь. Понятно отсюда, что интенсификация сельского хозяйства, которую потребовали развившиеся торговый капитал и денежное обращение, не могла итти успешно именно в крупных вотчинах великородных бояр и князей. Хозяйство в них в первой половине XVI века начало расстраиваться, ибо большие господа оказались неприспособленными к новой системе эксплоатации поземельного владения—системе, которая требовала личного присутствия в вотчине, личной энергии и сноровки, а богатые родовыми владениями господа были слишкм ленивы для этого. Не таковы были средние и мелкие землевладельцы. Они, наоборот, не страдали недостатком энергии, которая в них не ослаблялась, а закалялась на государевой службе. На них ложились самые тяжелые службы и поручения, преимущественно военные, от того же верховного сюзерена, московского великого князя. Война для всех этих служилых людей была доходной статьей, но в то же время она была для них и бременем, отрывая их от личного хозяйствования в поместьях. И потому при отсутствии надзора бывало, что мелкий помещик совсем разорялся, как сельский хозяин, и сам брал на себя кабалу, сам шел в холопы к богатому землевладельцу. Что служилые

люди, оскудевшие «помещики» попадали в такое положение—свидетельствует запрещение царского судебника 1550 г. служилым людям поступать в холопы. Явление, значит, было распространенным, если правительству пришлось бороться против него законодательством. Но большею частью средний и мелкий помещик приспособился к новой задаче сельского хозяйства работать на рынок гораздо лучше крупного. Он ближе стоял к этому хозяйству; не имея возможности делать блестящей карьеры в центре, он, после участия в «государевых» внешних предприятиях, все свое внимание сосредоточивал на полученном им поместьи и, лично живя в нем, сумел поднять производительность земли, улучшая ее обработку и кое-где переходя от переложной системы к трехполью. Само собой понятно, что и крестьянский труд под личным наблюдением и суровым поощрением такого помещика давал ему значительно больше, чем знатному и крупному землевладельцу. Средний и мелкий помещики начали экономически крепнуть, тогда как великородные бояре начали экономически слабеть. Но вместе с тем крупные феодалы, не знавшие счета своим плохо обработанным землям и жившие с боярской роскошью в столице, возбуждали зависть в помещичьей служилой массе, ибо на ее взгляд роскошная жизнь «бояр и князей» не оправдывалась их относительной праздностью. Вельможи казались служилой массе просто зря жиревшими за государевой спиной ленивыми лежебоками. Средние и мелкие помещики, окрепнув хозяйственно и чувствуя в себе главную военную силу в стране, начали крепнуть в социально-политическом смысле, т. е. заявлять о своих кровных классовых интересах. У них явились и выразители их в тогдашней письменности, которые высоко подняли свой го-

лос, обращаясь к своему верховному сюзерену и выступая против ненавистного им слоя богатых родовыми вотчинами «князей и бояр». Верховному сюзерену,— московскому государю — это было наруку: его отношения с крупными феодалами как раз в это время, в половине XVI века, сильно обострились и вызвали даже литературную отповедь ему, великому московскому князю и царю, Ивану Васильевичу, от одного из представителей феодального вельможества князя Курбского, убежавшего предварительно от него в Литву. Таким образом, итти вместе с военно-служилой массой верховного сюзерена побуждала логика самой жизни, ее стихийно складывавшихся отношений, поэтому он внял предъявленным служилым воинством, средними и мелкими помещиками, требованиям. А требования их сводились к низвержению великородного боярства с той правительственной высоты, на которой они стояли, по мнению «воинства», не по заслугам, и к отобранию у них их громадных родовых земельных владений, которыми они не умели пользоваться сообразно запросам развивавшегося хлебного рынка. Все это, разумеется, предлагалось совершить в интересах «воинства», которое одно является солью земли, безусловно полезной и необходимой для царя силой. В результате отмеченных жизненных противоречий—классовая борьба в недрах самого, объединенного «господарским правительством», служилого класса, в недрах самих помещиков, борьба между служилой массой (средними и мелкими помещиками) и боярством, особенно титулованными,—«княжатами», как называет потомков князей—великих и удельных—литературный выразитель удельно-феодальных тенденций князь Курбский. Эта борьба, обострившись, привела к опричине Ивана Грозного. Мечты и желания служилой массы, выраженные

устами ее публициста Ивана Пересветова, осуществились. В 1564 г. произошел государственный переворот, передавший земли «княжат» и вместе с тем настоящую правительственную власть представителям многочисленного и преуспевшего в сельском хозяйстве служилого слоя, который впоследствии получил наименование дворянства. Дворянство восторжествовало над боярством, и торжество, сверх террора, выразилось в отобрании в опричину родовых вотчин великородного титулованного боярства. «Княжата» получили, взамен утраченной недвижимости, земли в других, более отдаленных местах, по окраинам государства, но это было не то, что старые родовые вотчины с налаженною уже хозяйственною завязью. Эти вотчины, сделавшись опричным земельным фондом, стали переходить «воинам», рядовому дворянскому служью, стремившемуся все к большей и большей эксплоатации земли и крестьянского населения.

С момента отмеченного переворота пред дворянством открылись широкие перспективы. Власть была в его руках, и дворянство стремилось к расширению сбыта хлеба, выжимаемого им под влиянием развившегося торгового капитализма все в больших и больших количествах из своих поместий, старых и вновь полученных из опричного земельного фонда.

Продолжительная борьба за Прибалтийское побережье имела целью поставить русский торговый оборот более самостоятельно и выгодно пред лицом Западной Европы, куда он неизбежно направлялся. Так успешная дворянская революция отразилась на внешней политике победившего класса—политике, диктовавшейся торговым капиталом и тесно с ним связанными интересами землевладельческого класса. Но цель не была достигнута. Ливонская война кончилась полной

неудачей: Москва потеряла в Прибалтийском крае даже то, что имела, т. е. бывшие новогородские владения. Такой крах западной политики революционного класса пошатнул его политическое значение, тем более что и внутренняя борьба его с боярством, при всей ее успешности, дала все-таки в конце концов половинчатый результат. Несмотря на то, что боярство от имени царя истреблялось «всеродне», оно тем не менее не погибло, продолжало жить, хотя и сильно поредело в своем составе. А живя, оно продолжало конкурировать с «воинством» в погоне за рабочими руками для пашни и, следовательно, заставляло победивший класс измышлять такие способы, которые удерживали бы крестьян от перехода и побегов. Напряжение, которое было вызвано неудачей Ливонской войны, оказывалось не по силам крестьянству, и оно начало «брести розно», разбегаться. Это усиливало в конце XVI века кризис сельского хозяйства в центральном районе государства, где земле и населению под давлением рынка предъявлялись особенно непосильные требования. В результате всего отмеченного и развились два катастрофических явления русской жизни конца XVI века: развитие холопства и запустение центральной области Московского государства.

Развитие холопства, несомненно, связывалось с земельной экспроприацией. В холопы шли те из крестьян, которых энергичная помещичья эксплоатация лишила земли. Это были бедняки, которым уже не от чего было кормиться, нечего было продать, кроме личной свободы. И они продавали таковую, давая на себя кабальную запись на определенный срок за ту или другую полученную сумму. Крестьянин делался кабальным холопом. Господину своему он был обязан отдавать прежде всего свою рабочую силу до тех пор,

пока не заплатит долга, т. е. взятых по «кабальной» денег. Долга обыкновенно он не выплачивал и потому оставался холопом навсегда. Господин, требуя от своего холопа всякой работы, всякой службы, смотря на него как на полную собственность, обязан был его кормить и, конечно, как своего человека, защищать от всяких обид со стороны сильных людей, являясь не только полновластным хозяином его, но и как бы покровителем, патроном. Но практика жизни совершенно стушевала на русском институте холопства черты патроната и выдвинула вперед черты самого подлинного, неприкрытого рабства. Господин на деле не был покровителем своего холопа—он был его требовательным беспощадным хозяином, рабовладельцем. Он выжимал из него все соки на своей барской пашне и на других работах и службах, а обращался с ним едва ли не хуже, чем со своим рабочим скотом. Холоп в глазах господина был его раб, живое, но безгласное орудие, с которым он мог сделать все, что хотел.

Во второй половине XVI века, в особенности к концу царствования Ивана Грозного, выявилось много условий для обнищания, а, следовательно, и для закабаливания трудового населения Московской Руси.

Прежде всего опричная перетасовка землевладения не могла не отразиться вредно на сельском хозяйстве. В нем замечается резкий упадок сравнительно с предшествующим временем, о чем свидетельствуют данные писцовых книг, красноречиво говорящие о брошенных пашнях и о запустении центральной полосы Московского государства. Революционным натиском огромная земельная площадь была вырвана у крупных землевладельцев—знатных бояр—и распределена среди «воинства», вошедшего в состав опричины. Среднее и мелкое землевладение, таким образом, восторжествовало

над крупным, но это обстоятельство при появлении бóльшего количества господ земли, бóльшего количества помещиков—повлекло за собой и бóльший нажим на крестьянский труд. В связи с закреплением за Москвой всего волжского пути и поступательным развитием торгового капитала, помещики стали предъявлять слишком повышенные требования и к земле и к труду. И оба они—и земля и труд—перестали выдерживать. Земля выпахивалась, а труд истощался. Крестьяне начали уходить, бросая землю, оставляя ее «впусте». Одни из бросивших выпаханную землю шли искать другую, от чего усилилась колонизация на окраины, на южную и особенно на восточную, в Поволжье и Покамье; а другие совсем расставались со своей пашней, брали на себя кабалу и становились холопами более значительных помещиков. Но к тому же результату—к обнищанию наиболее слабых из крестьянства и других низших слоев общества — вела и система управления Московским государством.

В XVI столетии Московское государство после завоевания поволжских татарских ханств окончательно организовалось согласно «обычаю татарскому». К феодальной основе пристроилась «наверху» татарская система управления, и получилась восточная деспотия. А отсюда, естественно, вытекало хищническое и грабительское отношение к народу как со стороны верховного деспота, так и со стороны примыкавших к правительству общественных классов.

Таким отношением вообще характеризуются восточные деспотии, и Московское государство в данном случае не явилось исключением. Европейцу даже той эпохи, например, наблюдательному и умному Флетчеру, это было удивительно, и он с некоторым недоумением рассказывает о полном бесправии и необеспеченности

простого народа пред лицами всех выше его стоящих. Непосредственно познакомившись с «русским государством», Флетчер вынес определенное впечатление, что «земли, движимое имущество и другая собственность простого народа принадлежат ему только по названию и на самом деле нисколько не ограждены от хищничества и грабежа как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат». Народ был запуган своими феодалами, усвоившими азиатские приемы управления. Страдали посадские, представители мелкой городской буржуазии, но особенно страдали «уездные люди»—крестьяне. По сообщению того же иностранного наблюдателя, «если бедный мужик» встречался на дороге с кем-либо из дворян или чиновников, он «должен был отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головой оземь, так точно, как он преклонялся пред изображением своих святых». Эта сцена как будто бы выхвачена из жизни персидской монархии времен Дария и Ксеркса.

Флетчер оценивал такое положение народа как настоящее рабство. По его впечатлениям, этому унизительному положению были причастны все классы. Даже первый боярин-князь пред лицом царя именовал себя «Васькой», «Ванькой» и «холопом государевым». И понятно: царь считал себя верховным хозяином всей территории и всего населения ее. Все «государство», входившее в состав его владений, представлялось ему гигантской вотчиной его, а потому на почве земельного властительства создавалось и отношение его ко всем жителям этой вотчины как к его «холопам». Но то было политическое холопство, державшееся в значительной степени на холопстве социальном, имевшем под собой экономическую основу: бедность, ма-

териальную нужду. Трудовое население систематически разорялось. Вслед за необузданным хищничеством боярства наступило со времен опричины хищничество «воинства», дворянства и начавшего при этом правящем классе еще более развиваться и крепнуть чиновничества. Феодальный строй разлагался. Боярство потеряло свое прежнее господство над народным трудом. Но выступили новые господа—служилое дворянство, и новое, еще более тяжелое бремя свалилось на крестьянские плечи. Борьба с боярством, выразившаяся в создании опричины, вреднейшим образом повлияла на сельское хозяйство. Дворяне действовали так же, как бояре, и в глазах народа были теми же боярами, окончательно утвердившими это слово «боярин» или, позднее, «барин» за всяким, кто так или иначе взгромождался на шею трудящихся и, ничего не работая, пил и ел сладко, одевался роскошно и жил припеваючи. Верховный боярин, т. е. великий государь, в эксплоатации народа, конечно, занимал первое место: чуть не половину своих доходов посадские и крестьяне должны были доставлять в царскую казну; но сверх этих поборов, тяжесть которых во второй половине XVI века увеличилась от превращения их из натуральных в денежные (деньги были очень дороги), сверх, по словам Флетчера, «податей, пошлин, конфискаций и других пошлинных взысканий, налагаемых царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным...», «...что вам случается видеть многие деревни и города, в полмилю или в целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий». И далее наблюдатель приводит некоторые фактические данные для иллюстра-

ции высказанного положения. Они вполне подтверждаются и нашими писцовыми книгами и потому являются вполне неоспоримыми фактами тогдашней русской жизни: «простой народ» был разорен и, не вынося финансового, административного и помещичьего гнета, начал разбегаться или, как говорят русские акты, «брести розно». Но этому крестьянскому разброду, которым характеризуется наступивший кризис сельского хозяйства, содействовали и прежние господа Руси, крупные феодалы—бояре. Живучесть их обнаружилась в начале 70-х годов XVI века, когда они оказались соучастниками крымского хана в его набеге на Московское государство и на самую Москву. Этот тайный союз московских бояр с врагами Москвы как нельзя лучше доказывает половинчатый результат внутренней политики Грозного, который вместе с неудачей его внешней западной политики усугубил кризис сельского хозяйства и в дальнейшем сильно обострил общественные противоречия и классовую борьбу, развернувшиеся в так называемое Смутное время.

Нашествие крымского хана в 1571 г., сожжение им Москвы, страшное разорение страны всюду, где побывали его конные полчища, и увод громаднейшего, в несколько сот тысяч, полона значительно усилили запустение центрального района государства. Ни царь, ни его новое опричное правительство, ни все дворянское «воинство» «не могли спасти страну» от этого иноземного погрома, оставившего по себе очень долгую память. Бедность и нищета в городе и особенно в деревне к концу XVI века развились до крайней степени. Много появилось людей, которым некуда было итти, а в таком состоянии холопство являлось выходом. Шли в холопы, надеясь, что можно будет хотя бы не умереть с голоду. Но и эта надежда обманула.

В самом начале XVII века наступил страшный трехлетний голод. Правда, имелись запасы хлеба от прежних урожайных лет, но они были хорошо припрятаны богатыми землевладельцами, боярами, монастырями, архиереями и даже святейшим патриархом и были обнаружены лишь тогда, когда страна судорожно билась в революционном водовороте. Громадные массы народа погибли голодной смертью; ни «псы и кошки», на которых набрасывались голодные люди, ни человеческое мясо, которым в безумном отчаянии они питались, не спасли их. В эти ужасные годы надо было бы кормить господам рабски работавших на них холопов, но они просто прогоняли их от себя, давая, таким образом, им полную возможность свободно умереть с голоду. После получения такой воли холопам уже ничего больше не оставалось, как собираться в разбойничьи шайки. И разбойничество стало разливаться по стране с невероятной быстротой. А сильное увеличение такого общества отверженцев, выброшенных из обычной жизни людей, было ясным признаком кризиса этой жизни, симптомом приближающейся революции.

В это общество попадали не одни холопы, но и обнищавшие посадские и крестьяне, по той же причине—от нищеты и бесправия—пустившиеся в бега. Положение многих крестьян, еще не попавших в разряд юридически несвободного состояния—холопов, на деле мало чем отличалось от положения этих последних. Многие крестьяне уже не могли распоряжаться своею судьбой по собственному усмотрению. Подмога и ссуда, полученные ими от помещика, привязывали их к нему до уплаты долга, а уплата эта затягивалась на неопределенное время, ибо текущая работа крестьянина на помещика—барщина—зачитывалась толь-

ко в проценты на занятую сумму, долг же оставался непогашенным. Крестьянин становился старожильцем в деревне, находящейся на земле кредитора, и тот начинал считать его своим, не имеющим права уйти с его работы, как бы прикрепленным к ней. В задолженности крестьян помещикам, таким образом, открылся первый материальный источник крестьянского закрепощения. Источник этот—личного характера, наподобие кабальной записи, и прикрепление крестьянина потому возникало личное—к помещику.

Работы, которые возлагались на крестьян помещиками, были очень тяжелые. В силу задолженности многих крестьян, работы были обязательны,—это была уже настоящая барщина. Избыть ее можно было лишь побегом, и действительно мы видим, что крестьяне бегут от помещиков, которым они задолжали. Бегут преимущественно от помещиков среднего и малого достатка. Эти, сами нуждаясь во многом и будучи обязаны являться на военную службу на коне и в полном вооружении, с известным количеством тоже конных и вооруженных слуг (смотря по количеству отведенной помещику земли), неминуемо принуждены были наиболее кулацким способом эксплоатировать своих крестьян, требовать с них значительно больше, чем они могли дать. А из таких помещиков состояло большинство служилого класса—главная военная сила государства; она-то и лишалась в бежавших крестьянах рабочих рук. Бежали крестьяне к крупным землевладельцам, на монастырские и вообще церковные земли, ища там больших льгот. Но и там было нелегко жить, ибо развивавшийся торговый капитал притягивал на рынок прежде всего этих землевладельцев, и они неизбежно тоже увеличивали требования, предъявляемые к крестьянам. В силу этого кре-

стьянский кризис делался всеобщим, захватывая в свой круг не одних безнадежных должников, но вообще все крестьянство, жившее на частновладельческих землях. Разброд крестьянского населения особенно стал давать себя чувствовать после нашествия татар в 1571 г., нанесшего сильный удар сельскому хозяйству страшным опустошением страны. Тогда еще у крестьянства сохранялось право выхода или вывоза в известное время в году—«за неделю до Юрьева дня весеннего и за неделю после Юрьева дня осеннего», т. е. до наступления и после окончания полевых работ. Но в 80-х годах, еще при Иване Грозном, было все население переписано, будучи зарегистрировано за теми местами, где его застала перепись, и эти годы и ближайшие к ним были объявлены «заповедными годами», на время которых выход и вывоз крестьян были запрещены. Но эта мера Грозного не удалась. И выход и побеги продолжались, вызывая иски о сыске беглых и о водворении их на прежние места. В 1592 г. население снова было переписано, и снова были назначены «заповедные (т. е. запретные) годы» для выхода и вывоза, почему, когда вопрос о сыске беглых крайне запутался, в 1597 г. особым указом было разъяснено, что отысканию и возврату подлежат только те из беглых крестьян, которые выбежали от своих владельцев не ранее как за пять лет до этого указа, т. е. начиная с 1592 г. Всеми этими мерами, объявлением «заповедных лет», указом о сыске беглых дворянское правительство, идя по следам экономического закрепощения лицу помещика, стремилось закрепить все поместное крестьянство к месту, к определенному участку земли. Все это делалось, разумеется, в интересах большинства служилого класса—дворянства, это была чисто дворянская политика. От нее туго

пришлось и холопам, вышедшим главным образом из крестьянства, и самому поместному крестьянству. Побегами оба эти слоя трудящегося класса уже протестовали против дворянского гнета, но, с усилением его, одной пассивной оппозицией уже ограничиваться было невмоготу ни холопам, ни обнищавшим крестьянам, и те и другие стали переходить к вооруженной борьбе, с течением времени перешедшей в настоящее революционное мужицкое движение.

Глава III

Предвестники холопского восстания

Какие чувства могли питать в себе холопы и беднейшие, неоплатно задолжавшие помещикам крестьяне к тому классу, который мог безнаказанно распоряжаться ими как своей собственностью, как своими рабами? Разумеется, чувства скрытой в обычное время и тем более жгучей ненависти. Эта непримиримая классовая ненависть, постоянно клокочущая внутри, при первом же удобном случае бурно прорывалась наружу и выражалась в таких действиях и поступках, в которых нельзя не видеть вполне естественной мести порабощенных и мучимых на бесконечной работе своим поработителям и мучителям.

Начал царь Борис Годунов поощрять доносы холопов на их господ, чтобы найти предполагаемых им виновников самозванческой интриги—и холопы не заставили себя ждать, они сейчас же встали на своих господ, вооружаясь доносами. «Начаша,—говорит летописец,—всяк умышляти над своим боярином». Они сговаривались, по сообщению того же современника, между собой человек по пяти или шести, один шел с доносом, а остальные являлись свидетелями, подтверждавшими донос. И боярам пришлось очень сильно пострадать от холопских доносов. Это была месть. До-

нос был орудием мести. Это—орудие слабых. Холопы были еще слабы, восстать с оружием на своих господ большинство их еще не могло, оно не состояло из смелых и неукротимых людей. Таковые были в бегах, на нелегальном положении и собирались в разбойничьи шайки.

Разбои распространились по всему государству. «Бысть в то же время,—говорит летописец,—умножаяся разбойство на земле Рустей». Нестáло проезду от разбойников не только «по пустым местам», но и под Москвою было опасно—и здесь «были разбои велицы». Разбойничество выросло в серьезное социальное явление, вредило внутренней торговле и всей экономической жизни. Оно приводило именно к «нестроению и кровопролитию в земле», как характеризует современник создавшееся общественное положение. Много раз против разбойников посылались небольшие отряды, но безрезультатно. Разбойники были стойки, «аки звери,—по словам летописца,—зубы своими скрежетаху на человеки». Словом, обычными полицейскими мерами с разбойниками ничего нельзя было поделать, и разбойничьи набеги продолжались попрежнему. Разбойники действовали организованно. У них, как всегда бывает во времена кризиса народной жизни, явился свой вождь, атаман Хлопко. Он сумел объединить своих товарищей, бывших холопов и крестьян, в большие толпы, походившие на целое разбойничье войско. Вполне понятно, что московское правительство поставило вопрос о «разбойстве» в число важнейших государственных вопросов и поспешило принять против разбойников самые энергичные меры. Летописец рассказывает, что царь Борис, весьма опечалившийся неудачными действиями властей против разбойников, созвал своих бояр и стал «думать» с ними, «како бы

тех разбойников переимать» (переловить). Боярская дума под председательством царя постановила двинуть против разбойников большую рать. Таковая была собрана и поставлена под начальство окольничьего Ивана Федоровича Басманова. Это воочию показывает, как высоко оценило московское правительство вред, наносимый разбойниками всем собственникам государства. Под самой Москвой царское войско встретилось с организованными разбойничьими толпами. Очевидно, последние не убоялись и этой грозной силы. Произошел бой, форменное сражение. Разбойники бились отчаянно, «нещадя голов своих»—по выражению летописца. Начальник царского войска Басманов пал, но это обстоятельство не обескуражило служилых людей, бывших под его командой; напротив, они нажали на разбойников покрепче и, хотя с большим трудом, осилили их. Дорого досталась служилым победа,—разбойники живыми в руки не давались, много их легло костьми, но и захвачены все-таки были также «многие», как свидетельствует тот же летописец, прибавляющий, что иные разбойники после поражения бежали на Украину. Сам атаман Хлопко сопротивлялся до последней возможности и, лишь изнемогши от многих ран, едва-едва был взят в плен. Летописец с уверенностью сообщает, что разбойники, бежавшие на Украину, были там все переловлены и перевешаны. Но если это и так (в чем можно и сомневаться), то, несомненно, на Украине, особенно на южной, так называемой Северской Украине недостатка в таких беглых не было. Эти места продолжали наполняться и после поисков над «ворами», разбитыми царскою ратью под Москвой. Это была первая вспышка вооруженной борьбы всех обездоленных, не примирившихся со своим рабским положением и ушедших в разбой.

Правительство и обеспеченные классы называли таковых «ворами». Это слово «вор» в Московской Руси прилагалось ко всяким степеням протеста и возмущения против существовавшего порядка жизни, ко всякой «измене» этому порядку. В скором времени все повстанцы против московского правительства тоже назывались им не иначе как «ворами». Очевидно, само правительство, победившее Хлопка с товарищами, смотрело на них не только как на обыкновенных рыцарей большой дороги, а как на более серьезных врагов, как на людей, способных при их успехе поколебать самую основу общественного порядка—присвоенное высшими классами право на подневольный народный труд. Победа Хлопка с товарищами могла бы поднять на всех господ всю холопско-крестьянскую Русь. Отсюда—невероятное упорство в борьбе с обеих сторон. Это, несомненно, столкновение двух непримиримо стоявших в жизни общественных классов,—земледельцев, лишенных земли и свободы, и землевладельцев, кабаливших земледельческую рабочую силу. Если в холопьих доносах на господ выявились классовые чувства подневольной Руси и это уже было признаком начавшегося колебания почвы, то в неукротимой смелости размножившихся и организовавшихся разбойников, превратившихся, в сущности, в повстанцев, нельзя не видеть вполне ясного признака приближавшегося общего холопско-крестьянского восстания.

Глава IV

Участие холопов и крестьян в движении Лжедмитрия I

На фоне внутренней дезорганизации народной жизни,—дезорганизации, сильно обострившейся великим трехлетним голодом, появился сначала за рубежом московского государства, а потом на его Южной Украине неизвестный человек, который называл себя младшим сыном Ивана Грозного, царевичем Дмитрием Ивановичем. О нем было известно, что он еще в отроческом возрасте при весьма темных обстоятельствах погиб в Угличе, где он жил со своей матерью удаленным от двора своего старшего, но не единоутробного брата Федора Ивановича, как бы в почетной ссылке. Но теперь появившимся под именем царевича Дмитрия человеком рассказывалось, что в Угличе тогда (в 1591 г.) он, сын царя Ивана, не погиб—погиб другой, а он был спасен от убийц, подосланных Годуновым, и теперь (1604 г.), возмужав, он, царевич Дмитрий решил итти на похитителя законной власти «прирожденных московских государей»—царя Бориса Годунова. С первого же своего выступления новоявившийся представитель старой московской династии был поддержан казачеством—и днепровским запорожским и донским. Надо думать, он и выдвинут был казацкими

обществами. Помимо других обстоятельств, на это указывает свидетельство русской летописи о том, что Лжедмитрий очень внимательно и даже ласково относился к казакам, принял их раньше бояр, прибывших к нему с признанием и покорностью, но этим не расположивших его к себе, а вызвавших со стороны него лишь брань по их адресу. Казачество, какое бы положение оно потом ни занимало по отношению к трудовому населению, составлялось из беглецов, ушедших из неволи панской или боярской, от крайней бедности, от полной невозможности оставаться в наличных условиях существования обоих соседних государств—«Речи Посполитой» и «Москвы». Были тут всякие люди вплоть до уголовных преступников, тюремных сидельцев, но по прежнему социальному своему положению громадное большинство людей, искавших казацкой воли, происходило из крестьянства. Потом, став казаками, бывшие крестьяне, разумеется, отхо-
дили от крестьянства и преследовали свои, чисто казацкие интересы, но большая часть казачества, экономически расчленившегося, все-таки продолжала оставаться в числе материально плохо обеспеченных общественных групп. Как раз в царствование Бориса положение казацкого большинства на Дону ухудшилось. Зная, что на южной окраине государства скапливается много всякого бродячего люда—беглых «боярских людей», т. е. холопов и крестьян, Борис преграждал доступ сюда донским казакам, боясь, очевидно, их агитации среди этой, пришлой здесь, «голой» массы. Царские агенты хватали и бросали в тюрьмы казаков, прибывавших в окраинные города за покупкой хлеба, пороха, свинца и других товаров, в которых на Дону нуждались. Такая антиказацкая политика царя Бориса, приводившая к тому, что казакам в пределах Москов-

ского государства не было «пристанища нигде» (как свидетельствует летопись), вызвала в донском казачестве жгучую ненависть к царю Борису и его правительству. Казачество ждало только повода, чтобы вмешаться в московские государственные дела и двинуться на Москву. Это желание сильно подогревалось и инстинктом добычников, который вырабатывался в казачестве всею его жизнью, питавшейся преимущественно добычей. В этом отношении и Дон, и Запорожье, и другие казацкие общества были одних правил: не зевать, а сейчас же бросаться на добычу, где бы ею ни запахло.

Таким образом, казаки явились застрельщиками и агитаторами в деле первого самозванца. Политическое чутье в данном случае не обмануло Бориса: он правильно выследил этих своих врагов. Но у него были и другие враги, еще более опасные; это—враги, бывшие врагами помещичьего класса, во главе которого царь Борис стоял,—холопы и закрепощенные крестьяне. Казаки этим социальным врагам всех помещиков, титулованных и простых, были старшими когда-то отделившимися от них братьями, жизнь которых вольная, «без бояр», манила к себе и холопа и крестьянина. Пример и агитация казаков в глазах холопов и крестьян были авторитетны. Особенно склонны были подчиниться казацкому руководительству холопы и крестьяне на московских окраинах. Это были большею частью беглецы от тяжестей помещичьего и правительственного ярма в центральных местностях государства. Желая укрыться на «краю земли» от помещика и государева сборщика, беглецы попадали здесь на казенную пашню, будучи обязываемы доставлять хлеб государевым служилым людям, «испомещенных» в пограничных городах. Крайняя озлобленность этой

пришлой трудовой массы на «новых местах» могла только окрепнуть. И такая-то масса с каждым днем увеличивалась в своем количестве, будучи значительно пополнена беглецами от великого трехлетнего голода, оппозиционность которых переходила в озлобленное отчаяние людей, на всё готовых. Поднять их на властей во имя чего бы и кого бы то ни было—ничего не стоило. Вот почему призыв казачества встать за Дмитрия Ивановича нашел сразу отклик в трудовых массах сначала Северской Украины, а потом и во всем государстве. Холопы и крестьяне пошли за застрельщиками. В сообщении современника, близко стоявшего к тогдашним событиям Московской Руси, француза Маржерета, что Лжедмитрий I, потерпев поражение, предался 8 или 9 тысячам русских крестьян и решился итти навстречу стотысячному войску Бориса,—нельзя не видеть полной уверенности самозванца в преданности ему главной массы населения Московского государства—крестьянства. Это понимало и правительство Бориса. Поэтому, когда Лжедмитрий I принужден был после военной неудачи временно покинуть Комарницкую волость, целиком присоединившуюся к нему, последовала яростная расправа московских властей именно с крестьянством. По свидетельству другого иностранца, немца Буссова, за измену Борису было повешено «несколько тысяч крестьян с женами и детьми». Сверх того, их еще расстреливали. «Далеко были слышны вопли несчастных»,—прибавляет Буссов вслед за своим рассказом об этом трагическом эпизоде. Но если поднялась главная масса населения—крестьянство, от которого иностранцы, конечно, не отделяли и разновидность его—холопов, то репрессии привели только к продолжению восстания. Поэтому и побежденный на

бранном поле Лжедмитрий I явился вскоре полным победителем в поднявшейся стране. Как начали вслед за казаками крестьяне и вообще низы населения (а бояре и дворяне принуждены были перейти на сторону победителя), так и кончили крестьяне же.

По сообщению летописца, Москва была окончательно поднята на Годуновых (Бориса уже не было в живых) крестьянами—это крестьяне села Красного. Они восстали тотчас же как к ним прибыли из войска Лжедмитрия его эмиссары—Наум Плещеев и Гаврила Пушкин в качестве агитаторов за царя Дмитрия Ивановича. Красносельские «мужики изменили»; это сделалось известным в Москве. Оттуда был послан отряд для их ареста. Но отряд даже не дошел до села Красного, а в паническом страхе вернулся с дороги назад в Москву. Сюда же на его плечах вошли и собравшиеся скопом красносельцы. Они двинулись прямо на Лобное место, привлекая к своей толпе жителей столицы. Повидимому, образовалась громадная, грозная толпа; к ней охотой и «страха ради смертного» присоединились даже многие служилые люди. Эта толпа бросилась в Кремль, захватила там бояр и привела их на Лобное же место, где и провозгласила царем шедшего на Москву Дмитрия Ивановича.

Так произошел переворот в Москве, предрешивший гибель годуновской династии. Переворот был совершен народной толпой, но мы видим, что во главе ее стояли крестьяне села Красного. Они объединили вокруг себя московских жителей, сыграв, таким образом, роль зажигателей революции в столице. Отсюда ясно, что Лжедмитрий I в своем воцарении помимо казачества и вообще низов городского населения многим был обязан и селу, крестьянству. Этим и объясняется, вопервых, сообщение иностранца Петрея, что

Лжедмитрий I при вступлении своем в Москву подносимую ему хлеб-соль с особенным удовольствием принимал от бедняков; а вовторых, поддержка его низшими классами и в частности крестьянством объясняет нам благожелательную политику Лжедмитрия I по отношению к крестьянам и холопам. Его указом было запрещено выдавать истцу-помещику крестьянина, убежавшего от него во время великого голода. «Не умел он,—пояснял указ,—крестьянина своего кормить в те голодные годы, и теперь его не ищи». Законодательством Лжедмитрия было уменьшено количество путей к распространению холопского состояния. Словом, Лжедмитрий, понимая, что своей победой над Годуновыми он обязан в значительной степени крестьянству, как будто бы и в дальнейшем хотел утвердить свою власть на этом широком фундаменте. Вероятно, такое направление первых шагов его внутренней политики главным образом и вызвало ненависть к нему в помещиках, боярах и дворянах, обманувшихся в своих расчетах,—ненависть, которая искала и нашла способ отделаться от такого крестьянского царя. К заговору бояр и дворян присоединилась и московская буржуазия, боявшаяся конкуренции в ее торговле со стороны польских купцов, которые ожидались в Москву, вследствие известных, преувеличенных молвой, связей самозванца с Польшей.

Лжедмитрий I погиб, но, несомненно, своими социальными мерами он произвел сильное впечатление на народные массы. И потому в гибель его охотно не поверили. И в следующий момент казаки, холопы и крестьяне поднимаются против своих социальных и политических врагов, объединяясь между собой тем же самым именем.

Глава V

Холопско-крестьянское восстание после воцарения Василия Ивановича Шуйского

1

Слух о том, что царь Дмитрий Иванович не погиб в Москве, а остался жив, стал распространяться среди народных масс с того самого момента, когда он был убит. Этому слуху охотно верили все, кому плохо жилось, холопы и крестьяне, конечно, в первую голову, ибо они уже готовы были считать Дмитрия Ивановича своим царем и ждали от него облегчения своего бедственного положения. Боярин Василий Иванович Шуйский, глава заговора, был выкрикнут царем кучкой своих приверженцев, состоявших из некоторых бояр, дворян и московских купцов. Этим приверженцам он только и был желателен. Из них всего более его поддерживали бояре и богатые купцы, но от него отвернулись служилые люди, ибо для них ясно было, что их интересам предпочтены будут интересы боярства. Предлог не признать такого царя был для служилых налицо: Василий Шуйский занял царский престол без совета всей земли, без земского собора, без которого не решился занять его даже Борис Годунов, фактически уже бывший правителем государства в предшествующее царствование Федора Ивановича;

Провинциальные служилые люди поднялись против Василия Шуйского, но с ними вместе были и некоторые бояре, непредусмотрительно сосланные Шуйским в окраинные города. Тем более царь, возведенный на престол боярской кликой и поддерживаемый на нем московскими толстосумами-мироедами, не мог быть признан всеми неимущими и угнетенными элементами государства, в особенности холопами и крестьянами. От него «низы» ждали только ухудшения своего положения, всякого худа; наоборот, от царя Дмитрия, которому «чернь, люди неразумные», по словам московских бояр, сдавала города при первом его выступлении, и который теперь, еще раз спасшись от своих врагов—бояр, временно скрылся,—они ждали для себя всякого добра. Казачество, разумеется, попрежнему тяготело к Дмитрию Ивановичу, потому что, строго говоря, он был его созданием. Словом, народная масса продолжала волноваться и была готова к восстанию против «бояр», как она называла всех своих врагов. На брожение масс рассчитывали и поднявшиеся на царя Василия дворяне и бунтовские опальные бояре, как князья Шаховской и Телятевский. Они хотели сделать из «мужика» орудие для свержения Шуйского, для осуществления своих политических и карьерных планов; но они не учли того, что, вступая во временное соглашательство с беглыми холопами и крестьянами, желая опереться на них в борьбе с царем Василием, они сами подкладывали под себя как землевладельцев и рабовладельцев громадную мину, которая в дальнейшем ходе восстания неминуемо их взорвет. Потом помещики поняли это и бросили своих непокорных «рабов» на произвол судьбы и временно победившего московского правительства. Но на первых порах соглашательство состоялось. Этому содействовало, может быть,

то обстоятельство, что во главе поднимавшихся холопов и крестьян очутился беглый холоп бунтовского против Шуйского воеводы, князя Телятевского—Иван Болотников. Он только что вернулся из чужих стран и, сразу войдя в курс происходившего на Руси смятения, стал вождем обездоленного черного народа. Это, повидимому, был человек выдающихся умственных способностей. Он много успел не только испытать (для «боярского человека» это неудивительно), но и повидать на своем веку. Побывал он пленником в Крыму, откуда ему удалось бежать. Из Крыма попал в Италию, где, однако, не зажился, а начал пробираться на родину. Будучи в Польше, слышал молву, что царь Дмитрий Иванович не погиб в Москве, а скрылся за рубеж и скоро двинется снова добывать себе «прародительский престол». Болотников даже видел в Польше какого-то человека, выдававшего себя за спасшегося московского царя Дмитрия Ивановича, говорил с ним и дал ему обещание бороться за него по возвращении на Русь. Он это исполнил, войдя в сношение с бывшим своим боярином—князем Телятевским. Этот последний заметил в Болотникове организаторские способности и возложил на него надежды как на свое орудие в восстании против ненавистного опальному боярину Василиия Шуйского и его клики. Но Болотников был не таков, чтобы быть чьим бы то ни было орудием. Образовав отряды из волнующихся холопов и крестьян северской области, этот бывший холоп повел себя вполне самостоятельно, как вождь трудового народа. На ополчение служилых помещичьего состава он сам смотрел, как на временных союзников для военных действий в поле. И он не обманулся в своих расчетах на заключенный им военный союз холопов и крестьян с их классовыми врагами: технически служилые

люди под начальством бунтовских бояр и дворян помогли Болотникову одержать победу над войсками Шуйского.

Повстанцы подошли к Москве. Казалось, час московских олигархов пробил. Но в дальнейшем определенно выяснилась классовая сущность составных частей ополчения Болотникова. Служилые люди увидели, что их союзники—холопы и крестьяне, поднявшись на правительство Шуйского, в сущности, восстали против всех наличных властей и против всех имущих классов, против всех землевладельцев, вотчинников и помещиков. Таким образом, помощь холопов и крестьян в борьбе служилых с Шуйским оплачивалась слишком дорогой ценой—ценой истребления помещичьего класса. Естественно, приходилось покинуть холопов и крестьян и соединиться с теми, кто поддерживал правительство Шуйского, т. е. со своим братом, с помещиками же и купцами-толстосумами. К тому же Шуйский манил к себе служилых дворян и детей боярских поместьями и положением в боярской думе, а, следовательно, и в «своих местах», откуда они были родом и где стремились первенствовать, быть властными людьми. Рязанцы—Ляпуновы и Сумбуловы увели за собой свою помещичью братию в стан царя В. И. Шуйского и получили от него все, что желали. После того на сторону Шуйского перешел сотник Истома Пашков со своими четырьмя стами товарищей. Летопись называет его «сыном боярским», таковым он значится и по правительственным документам. Очевидно, это был один из тех служилых казацких атаманов, которые тяготели к поместьям и другим «пожалованиям». Рассчитывая наилучшим образом устроить свои дела при царе Дмитрии Ивановиче (от имени которого действовал Болотников), Истома Паш-

ков, подняв Тулу, Венев и Каширу, первый присоединился к болотниковской рати и вместе с ней после взятия и разорения Коломны подошел к Москве. Теперь он отложился от Болотникова, рассчитывая на большие материальные выгоды от царя Василия Ивановича Шуйского. По летописному известию, он отъехал к Шуйскому «со всеми дворянами и детьми боярскими» [1]. В этом сказалась истинная классовая природа Истомы Пашкова, казацкого сотника, привыкшего уже служить Москве в боярских детях. А «боярские люди и казаки,—к сообщению об отъезде Пашкова прибавляет летописец,—бились, отнюдь не обращались» [2]—не обращались к милостям царя Василия. Но теперь им пришлось туго. Отделение от казацко-крестьянской массы привычного к ратному делу служья с Прокофием Ляпуновым, Григорием Сумбуловым и Истомой Пашковым во главе и соединение этих «перелетов» с их естественными классовыми союзниками и дало победу Шуйскому над восстанием Болотникова, над холопами и крестьянами. Еще во время совместного похода Болотникова со служилыми на Москву вполне отчетливо выяснился классовый характер борьбы холопов и крестьян под лозунгом: за царя Дмитрия Ивановича против Шуйского. Болотников распространял среди всего холопского и крестьянского населения прокламации, в которых оно призывалось к расправе с боярами, воеводами и приказными, а также с богатыми купцами и к захвату их недвижимой и движимой собственности, а также их жен и детей. Сверх всего этого, если верить пересказчикам этих прокламаций, в подлиннике до нас не дошедших, холопам и крестьянам обещалось то социальное положение, которое при-

[1] Летопись о многих мятежах, стр. 111.

[2] Там же стр. 111—112.

надлежало обреченным на истребление их классовым врагам. Но пока во время этой борьбы был только лозунг: «за царя Дмитрия», самого же этого царя, предполагавшегося сторонника означенной революционной, или, по терминологии того времени, «воровской» программы, налицо еще не было, он еще не появлялся, яко бы пока скрываясь. Инсургенты были стеснены. Болотников сидел в Калуге; его бывший господин, а теперь союзник, князь Телятевский—в Туле; а другой «воровской» воевода князь Шаховской находился на месте своего воеводства в Путивле и отсюда вел энергичную агитацию, дабы подкрепить восстание против своего заклятого врага—В. И. Шуйского. Полагая, что неудачи восстания зависели от отсутствия царя Дмитрия, князь Шаховской чрез своего агента стремился получить самозванца с Запада, из Польши; а когда это дело не выгорело, путивльский воевода пытался навязать роль царя Дмитрия Ивановича этому своему агенту, но и тут не достиг цели: агент Молчанов был слишком мелкой душонкой, чтобы решиться на такой шаг. Тогда князь Шаховской обратился на Восток, к восточному казачеству, среди которого уже был самозванец, получивший довольно широкую известность на Волге и на Дону, но он назывался не царем Дмитрием Ивановичем, а царевичем Петром Федоровичем, приняв имя не существовавшего сына царя Федора Ивановича. Так западное казачество, преимущественно запорожское, выдвинуло одного представителя угасшей династии—дядю, а восточное—другого, племянника.

Спекуляция на племянника была задумана среди терских казаков. Был в этой шайке казак по имени Илья из Мурома, согласившийся объявить себя царевичем Петром Федоровичем, очевидно, ради большего успе-

ха задуманного шайкой предприятия. А предприятие терских казаков состояло в том, чтобы итти на Волгу и поднять там на Москву крестьянские массы. Крестьянское море уже волновалось. И не только в прежде погибельной Северской Украине, но и в Поволжьи поднялись холопы и крестьяне. Это было базой движения трех сотен удальцов, перебросившихся сюда с Терека вместе с новым Ильей Муромцем, превратившимся в царевича Петра Федоровича и явившимся здесь руководителем крестьянского движения. В то время когда его отряд двигался вверх по Волге, дядя царевича Петра Федоровича Дмитрий Иванович I еще царствовал в Москве и даже, сведав о своем волжском племяннике, звал его тоже в Москву. Тот принял это предложение, но успел дойти только до города Свияжска, когда узнал о московской катастрофе, о смерти своего дядюшки. Тогда итти прямо на Москву стало рискованным, и Петр Федорович повернул назад, спустился вниз по Волге, перешел с нее на Дон и здесь зазимовал. Отсюда он и был приглашен «воровским» путивльским воеводой князем Шаховским возглавить пока-что восстание против Шуйского. Петр Федорович принял и это предложение и двинулся с Дона к Путивлю, всюду на дороге расправляясь так или иначе с «боярами» и воеводами, тоже боярами—представителями боярской власти на местах. Холопы и крестьяне поднимались на своих господ—помещиков, и это как нельзя лучше было учтено казацким Петром Федоровичем. Для захваченных им бояр и воевод готовилась горькая участь. Одних—и «многих»—он казнил: их перечисляет летописец; других вел дальше в Путивль. Казни были местью крестьянства своим бывшим господам. Современник это хорошо понимал и записал в свою летопись определенное убеждение, что

господа «за непотребство, зависть и гордость пострадали и убиенны были не от неверных, а от рабов своих и крестьян поругаемы и убиваемы были». В чем же выражалось «непотребство, зависть и гордость» господ? В том, говорит современник, что они были жестоки к беднякам: «В лицо и перси их бити повелевают и батогами, которые злее зла, кости им сокрушают, и во узы, и в темницы, и в смыки, и в хомуты их присуждают». Вот за это-то за все и мстили теперь прежним господам восставшие бедняки—холопы, крестьяне и посадские чернорабочие; по сообщению летописца, в стане «Петрушки» «воевод и дворян различными муками мучили, иных с башни метали, иных с моста в ров, иных вверх ногами вешали, иных по стенам распинали, руки и ноги гвоздями прибивали, из пищалей расстреливали». Как видно, классовая ненависть восставших горела ярким пламенем. Подкрепленный пришедшим к нему запорожским отрядом, Петр Федорович вместе с князем Шаховским, с которым он соединился в Путивле, выступил отсюда к Туле. Это обстоятельство в свою очередь ободрило другого бунтовского воеводу—князя Телятевского, и он из Тулы двинулся к Калуге на помощь Болотникову, разбив по дороге наголову отряд царского войска, посланный князем Мстиславским из-под Калуги, им осаждавшейся. Последствием этой победы было снятие калужской осады, давшее возможность Болотникову оставить Калугу и соединиться в Туле с Петром Федоровичем. Но здесь-то повстанцы и были окружены стотысячной армией царя Василия.

У казаков Петра Федоровича была та же программа, что у холопов и крестьян. Поднявшиеся холопы и крестьяне с самого начала устремились на бояр и воевод. К восставшему крестьянству присоединились

и городские социальные низы, по сообщению летописца—посадские люди и стрельцы, а также и казаки. Начались проявления беспощадной мести за все те страдания, которые выпали на долю низших классов в предшествовавшее время, особенно в голодные годы. Воевод всюду начали хватать и сажать «по темницам», а то и прямо убивали. Боярские дома громились и разграблялись. Не было пощады ни боярским женам, ни детям: «холопы и крестьяне», по сообщению летописца, их «позорили и за себя брали». Это был чисто классовый натиск, это была крестьянская революция, народная расправа с эксплоататорами и угнетателями народа. Казаки, в большинстве состоящие из тех же беглых холопов и крестьян, поступали по отношению ко всем служилым людям, помещикам и чиновникам, так же: бросали в тюрьмы, убивали, имущество, жен и детей их экспроприировали.

Такой определенный натиск низов общества на его верхи заставил всеслужье и всю буржуазию объединиться вокруг московского правительства. Из крамольных бояр один лишь князь Шаховской остался с Болотниковым и лже-Петром в осажденной дворянским войском Шуйского Туле. Несмотря на громадные силы, собранные царем Василием, Тула долго держалась, здесь все поджидали появления Дмитрия Ивановича, но так и не дождались. Революционная Тула дождалась иного—голода среди осажденных и затопления ее разливом нарочно запруженной для того реки Упы. Речной водой тушили революционный огонь. Пришлось капитулировать. Шуйский, как сообщают, перед сдачей города обещал пощаду защитникам Тулы, но когда сдача состоялась, он пощадил только князя Шаховского: на боярина у «боярского» (и купеческого) царя рука не поднялась, он его лишь сослал. Всех

же народных вождей Шуйский казнил: лже-Петр был повешен в Москве, Иван Болотников, Федор Нагиба и другие их товарищи были сосланы в поморские города и там умерщвлены; повидимому, все они, как и главный их вождь, были утоплены. Не в первый раз случилось царю Василию топить повстанцев. Он практиковал это еще в то время, когда Болотников был поражен под Москвой и «ушел» оттуда «не с великими людьми», ибо громадное большинство было захвачено в плен; пленных было так много, что в Москве не хватило ни тюрем, ни палат, куда их сажали. Не все, очевидно, были захвачены с оружием в руках, ибо «тех воров, кои пойманы на бою», говорит летописец, Шуйский велел «посажати в воду». Так, вероятно, было и при окончательной ликвидации болотниковского восстания.

Холопско-крестьянское восстание было задавлено, но лишь на время. Уже в тот момент, когда тульские повстанцы, изнемогая от осады, были готовы к сдаче, в Северской Украине, наконец, объявился человек, назвавший себя царем Дмитрием Ивановичем. Около него быстро начали скапливаться толпы беглых холопов и крестьян, города стали отказываться от Шуйского, присягать «объявившемуся» законному царю, нашедшему опять поддержку и в казаках и в пришедших к нему конных отрядах польских авантюристов. Таким образом, холопско-крестьянская революция подолжалась. С самого начала своего выступления новый Дмитрий Иванович обратился с агитацией к крестьянству. Немец Буссов, бывший тогда в Московском государстве, пишет в своей летописи московской: «Дмитрий еще более увеличил число при-

верженцев, объявив в разных городах, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могут присваивать земли господ своих, служивших Василию, и жениться на дочерях боярских, которых успеют захватить в поместьях. Таким образом многие холопы сделались боярами, а господа их, преданные Шуйскому, умирали с голоду». Очередь жестоко голодать пришла помещикам, которые во время великого голода выгоняли своих холопов из своих усадеб на голодную смерть. И не только голодать пришлось теперь «боярам». На весь господский класс снова покатилась все более и более увеличивающаяся народная лавина. Теперь холопско-крестьянское восстание с отрядами казацкой и «рыцарской» польской вольницы во главе становилась еще грознее, чем при Болотникове.

Второй Лжедмитрий, заведомый самозванец, явился царем по преимуществу холопов и крестьян, был холопско-крестьянским царем. Несомненно, он вышел из бродячей Руси и, может быть, сам испытал подневольную жизнь, дав на себя кабальную грамоту, ибо незаметно было, чтобы он был из служилых людей, как говорили тогда многие. Во всяком случае, по своему неопределенному, но очень неблестящему, социальному положению он был близок к «голутвенному» казачеству и бедствующим народным массам, ждавшим избавителя от грабительского «боярского» порядка. Они-то, эти холопско-крестьянские массы и близкие к ним «меньшие» люди городов—бедняки посадские и были его главной опорой. Они представляли фундамент его власти. Он всюду признавался простым народом как законный царь, несущий низам государства все, чего они не имели,—землю, имущество, власть и почет. Все это предлагалось брать у бояр, дворян и купцов, предлагалось в таких же «прелестных письмах»

или прокламациях, какие рассылал и Болотников. Прежних же владельцев земли и капитала предписывалось просто истреблять. На местах прежних собственников и властителей должны были, по смыслу этих прокламаций, утвердиться новые из долго страдавших классов—из холопов и крестьян; им обещались боярство, окольничество, воеводство и дьячество,—словом все. Такая агитация имела потрясающий успех. Города попрежнему охотно переходили на сторону вновь «объявившегося» царя Дмитрия Ивановича, а высланное Шуйским войско не могло удержать победного похода на Москву «воров», как царские грамоты окрестили эти революционные казацко-холопско-крестьянские ополчения. Они подошли к Москве и встали подле нее таборами в селе Тушине. Это село сделалось временной столицей Лжедмитрия II, от которой он как вождь холопско-крестьянской революции, как царь «воров» и получил от бояр и дворян прозвище «Тушинского вора». Ему подчинилась неизмеримо бо́льшая часть Московского государства; очень немногие города остались верны Шуйскому и его правительству. Поэтому вместо одного получилось два государства: старое Московское с городами—Москвой, Казанью, Нижним Новгородом, Новгородом Великим, Смоленском, Переяславлем, Коломной и с Сибирским царством, и новое — Тушинское, в состав которого вошла вся остальная северо-восточная Русь. «Государства» соответствовали двум боровшимся друг с другом социальным сторонам: стороне имущего меньшинства, привыкшего к организованным действиям и властвованию, и стороне громаднейшего неимущего бо́льшинства, не имевшего, наоборот, навыков к организации, всегда бывшего в неволе и теперь отказавшегося повиноваться «боярам», пожелавшего встать

на место своих господ. Эти две стороны и повели между собой тяжбу за первенство в жизни.

Борьба между Москвой и Тушином, строго говоря, была классовой борьбой. Москва стояла за интересы высших классов, а Тушино—низших. Но интересы низших классов Тушином, т. е. восставшими холопами и крестьянами понимались так, что им следует занять место бояр и дворян—и в хозяйстве и в управлении. Их движимое и недвижимое имущество холопы и крестьяне, как и казаки, считали своей добычей, равно как и товары и деньги богатых купцов. С погони за добычей, в сущности, и началось дело: имущество общественных верхов присваивалось низами, собственность через массовый «грабеж» переходила к неимущим. Естественно, каждому из таких новых собственников пожелалось стать боярином, воеводой, дьяком. Таким образом дело переворота носило личный характер: лица высшего класса посредством истребления их заменялись лицами низшего класса, а самый высший класс не уничтожался—он укомплектовывался новым социальным составом; оставались формы жизни высшего класса, ибо холопам, крестьянам и казакам ничего не представлялось лучше и приятнее, чем жизнь боярина и воеводы. Если революционные холопы и крестьяне переходили на положение правящих, то, разумеется, о кабале и крепости не могло быть уже речи. Но как устроить «боярскую» жизнь без принудительного труда—такой вопрос не поднимался; довольствовались фактом захвата, не помышляя еще о социальной перемене хотя бы по образцу казацкого устройства, не переходя еще к установлению казацкой воли и казацкого товарищества, к жизни «без бояр». Нет, сами хотели жить боярами, с царем, патриархом и со всем привычным приказно-воеводским

управлением, оставшимся в неприкосновенности и в Тушине. Стало быть, борьба холопов, крестьян и казаков с «боярами», в том числе и с воеводами, была борьбой неимущих с имущими ради отобрания у них земли и всякой иной собственности, ради того, чтобы поменяться с ними своим положением. Без царя, выдвинутого холопами и крестьянами, казачеством, царя Дмитрия Ивановича, милостивого для всех бедных и угнетенных, холопы и крестьяне не представляли возможности выступать и устраиваться в дальнейшем. В этом отношении казачество, у себя по рекам жившее не только «без бояр», но и без царей, явилось для холопов и крестьян руководителем. Впоследствии на Руси долго помнили, как когда-то, во времена народных восстаний против боярской Москвы казаки «царей заводили и воровали». Но и сами холопы и крестьяне в те времена научились выдвигать царей из своей собственной среды. По актам ближайшей эпохи видно, что в так называемое Смутное время бывало, что собирались крестьяне нескольких волостей и постановляли п р и г о в о р выбрать царя из своего брата, из крестьян. Летописи свидетельствуют нам, что много появилось тогда если не царей, то кандидатов в цари—царевичей, все больше никогда не существоваших сыновей царя Федора Ивановича. Таковы царевичи Федор, Клементий, Лаврентий, Савелий, Семен, Василий, Ерошка, Гаврилка, Мартышка. Но не были забыты также и царь Иван Васильевич и другой его сын, им убитый, Иван Иванович: в Нижнем Поволжьи под Астраханью появились сын Грозного царевич Август и сын Ивана Ивановича царевич Осиновик. И все эти царевичи были холопско-крестьянского происхождения: «иной боярский человек,—определенно говорит летописец,—иной мужик пашенный», т. е. крестьянин

прямо от сохи. Отряды казацко-холопско-крестьянские с подобными титулованными вождями рассеялись повсюду в Московском государстве, и, действуя наступательно на всех имущих, стремились к главному центру казацко-холопско-крестьянского государства—в Тушино, к царю Дмитрию Ивановичу, или по официальной терминологии Москвы, к «вору». Он же, желая, повидимому, установить порядок на Руси, дабы нераздельно с другими, одному ее обирать для содержания своего пестрого воинства, не жаловал своих «объявившихся» многочисленных родственников и усердно их истреблял.

Но холопско-крестьянское движение находило себе и таких вождей, которые не принимали не принадлежавших им имен и титулов. Таков, например, был крестьянин—«хотунской мужик» Сальков, который доставил царю Василию столько хлопот, что подвиги этого холопско-крестьянского вождя были занесены в летопись («О многих мятежах»). Сальков собрал вокруг себя «многих русских воров». Они преградили доставку в Москву продовольствия. Это было серьезное «утеснение». По одной Коломенской дороге проходили тогда в Москву «запасы»—Сальков и этот путь пресек. Двинут был в Коломну царем Василием отряд под начальством князя Масальского, с тем, чтобы, взяв там «запасы всякие», «итти обратно в Москву» «с великим береженьем». Но ничто не помогло. Сальков, соединившись с одним из польских наездников, разбил князя Масальского и отбил у него продовольственный обоз. Не все «запасы» возможно было забрать с собой; чего не подняли, все было сожжено. Москва приуныла. Цена на хлеб в Москве страшно поднялась. Все дороги были заняты. На Слободской дороге «великое утеснение», по словам летописца, было «от

юртовских татар», а на Коломенской—от «хотунского мужика». Было приказано царем Василием острожки поставить на дороге «для проезду хлеба». Но и это не помогло. «Москве никакой помощи не учинилось», свидетельствует летописец. Тогда царь Василий послал на Салькова воеводу Сукина «со многими ратными людьми», но и тут толку никакого не вышло; «только тот же вор, многую шкоту московским людям учинил», с прискорбием сообщает летописец. Владимирская и другие дороги были заняты повстанцами, которыми руководил Сальков. Пришлось послать против него уже не одного воеводу, а несколько—«по многим дорогам». Один из этих воевод, впоследствии знаменитый князь Д. М. Пожарский, встретился с Сальковым на Владимирской дороге, на речке Пехорке. Произошел упорный бой. Повстанцы держались долго, наконец были разбиты наголову. С ничтожным остатком (в 30 человек) своей толпы Сальков бежал. Подняться ему снова было, повидимому, уже невозможно, и Сальков на четвертый день после поражения явился к царю Василию с повинною.

Это лишь один из эпизодов холопско-крестьянского восстания. Он показывает, как трудно было московскому правительству справляться с поднявшимся крестьянством даже в одном районе. А между тем движение кипело повсюду. Собирались и более мелкими и более крупными партиями холопы и крестьяне, и страна на некоторое время переходила в их руки. В Поволжьи «русские воровские люди», холопы и крестьяне объединялись с нерусским трудовым населением и вместе с ним действовали сообща, направляя удары на собственность высших классов. В летописи встречаем известие, что «в те же времена собралась мордва, бортняки, боярские холопы и крестьяне» и пошли

походом на Нижний. Город был осажден повстанцами. Начальниками у них были два мордвина—Москов и Вокорлин. Это—два инородческих революционных вождя, едва ли кому известных. Они руководили действиями повстанцев настолько энергично, что стоявшее под Нижним скопище из инородческого и русского крестьянства, по словам летописца, «многие пакости городу делаху», т. е. причиняло весьма значительный имущественный урон. И в других районах Поволжья, в особенности на территории бывшего Казанского ханства русские холопы и крестьяне в своей классовой борьбе и мести нашли поддержку в инородческих массах трудящихся—в татарах, черемисах, чувашах. Восстание татар по своим задачам было шире; они стремились совсем отбиться от Москвы, выдвигая и политическую задачу. Но верхи татарского населения потом одумались, как и русские служилые люди—дворяне, когда поняли, что низы направляют свои удары против имущих классов; тогда муллы и мурзы стали на сторону московского государственного порядка, от коего ожидалась охрана ниспровергавшейся бедняками собственности «прожиточных людей». Опасность верхам общества от низов и явилась основной причиной объединения первых против последних, против всех «воровских людей» с казаками во главе. Вместе с казаками-руководителями выступали и иноземные наемники Тушина—поляки или литва, как именуют их московские акты и летопись; но казаки, по оценке потерпевших, были «грубнее литвы», т. е. действовали еще беспощаднее по отношению к чужой жизни и собственности. Так же, как и они, поступали из мести к своим бывшим властителям помещикам холопы и крестьяне. Пришельцы к Лжедмитрию II из Польши поощряли восстание низов,

рассчитывая, что оно само сметет московскую власть. Но на деле получилось лишь то, что тушинский царь уже не смог удержать руководительство ни казацкой вольницей, ни пошедшими за ней холопско-крестьянскими массами. Водворилась полная анархия. Без всякого плана и самой элементарной организации восстание рассеялось по всей стране. Происходило беспощадное истребление жизней и разрушение жилищ. Современник сообщает, что «казаки, где не успевали жечь домов, там портили их, рассекали двери и ворота, чтобы сделать жилища неспособными к обитанию». Свирепо набрасывались на всякую собственность. Все уничтожалось, даже сельские запасы: их «сыпали в воду и грязь и топтали лошадьми». Неудивительно, что местности вокруг Москвы обращались в пустыню с дымившимися пожарищами и непогребенными трупами. Торговля и вообще вся экономическая жизнь останавливалась. Громадные ущербы и убытки стала терпеть городская и сельская буржуазия—«прожиточные люди»—и тех районов, которые не были так затронуты восстанием низов, как центр государства. Тушино исчезло в этом социальном водовороте, когда к внутренней, до чрезвычайности обострившейся, классовой борьбе присоединился налет внешнего врага—польского короля, вошедшего в пределы Московского государства и осадившего Смоленск. Вслед за польским королем выступил и другой соседний хищник,—шведы осадили и потом взяли Новгород. Сначала они помогали Шуйскому в его борьбе с Тушинском вором и холопско-крестьянским восстанием, но в конце концов Шуйский не усидел на престоле: с него его свели те, которые его именем правили—дворяне и бояре. Они увидели, что нужна более серьезная иноземная помощь, чтобы справиться со взбунтовавши-

мися «рабами», и обратились за нею к польскому королю Сигизмунду, выпрашивая у него на царство московское его сына Владислава. Его они не замедлили и выбрать вместо сверженного Шуйского. Провинция, которую не спрашивали, отвергла политическую комбинацию московских правящих кругов и в лице мелкой буржуазии готова была помириться даже на царе Дмитрии Ивановиче. Этот последний за исчезновением тушинского центра превратился тогда в калужского царя, ибо от тушинской анархии он перебрался в Калугу, продолжая быть царем низших слоев населения. Но когда он, наконец, совсем погиб, а холопско-крестьянская революция с ее мужицким террором продолжала распространяться, захватывая все новые и новые районы, то провинциальная буржуазия стала объединяться для защиты своего достояния, для установления такого порядка, при котором собственность была бы хорошо охраняема и от своих «рабов» и от иноземных хищников. «Прожиточное» крестьянство, сидевшее по своим местам, поднялось тоже против «воров», т. е. революционных элементов, и затем присоединилось к буржуазному контрреволюционному движению, пошедшему из наиболее коммерческого и богатого города Поволжья—Нижнего, некогда осаждавшегося холопско-крестьянскими ополчениями. За нижегородской выступила буржуазия и других поволжских городов. К буржуазии присоединились и служилые люди—помещики, наиболее пострадавшие от холопско-крестьянского восстания.

Иностранные захваты явились хорошим предлогом придать движению для восстановления прежнего порядка с крепкой центральной властью, все в интересах помещиков и купцов—религиозно-национальный характер. Раз это движение было поддержано домо-

витыми крестьянами, а подконец и той частью казачества, которая близко стояла к мелкому служью, то неудивительно, что землевладельческие и торговые элементы страны, сильные своим единством и организацией, с привыкшими к власти руководителями во главе, в конце концов одержали верх и над поляками, засевшими в московском Кремле вместе с боярами и дворянами, видевшими в них защитников от своих «воров», и над самими этими «ворами»—бунтовскими холопами и крестьянами и «голутвенными», а потому и непримиримыми казаками. Землевладельческое государство с работавшим в нем торговым капиталом ожило, и жизнь пошла по ранее наезженным колеям. Итак, в результате этой борьбы зажиточные классы—помещики, купцы и исправные сельские мужики взяли верх над восстанием холопов и беднейших и потому фактически бесправных крестьян. Побеждены также были и так называемые «меньшие люди» среди посадского населения, к числу которых, кроме вообще городских чернорабочих, принадлежали и стрельцы; «чернь и стрельцы» упорно боролись с «лучшими людьми», т. е. с боярами и богатыми купцами—«гостями», но были побеждены. Словом, победили те общественные классы, которые в настоящее время называются буржуазными. Неимущие, нищенские, или — не в современном, а в древне-римском смысле—пролетарские элементы были разбиты по частям и подавлены. Часть их ушла на окраины, теперь—не в разоренную смутой Северскую область, а в другие места и главным образом, в Нижнее Поволжье с казацким атаманом Иваном Заруцким. Часть осталась бродить «меж дворов» и должна была так или иначе приспособиться к победившим классам. Из этих классов в первом ряду стояло дворянство, сумевшее народную революцию использовать в своих

классовых интересах и укрепить то свое социально-экономическое положение, которое оно получило чрез им самим совершенный социально-политический переворот, через опричину. Теперь дворянство явилось первенствующим классом, вследствие чего дальнейшая внутренняя политика московского правительства стремится к осуществлению и защите главным образом дворянских интересов.

Глава V

Положение крестьянства после Смутного времени

Историки, разрабатывавшие писцовые книги, устанавливают, что смута увеличила количество обездоленного крестьянства, так называемых бобыльских дворов [1]. Сильно пострадал и посад, особенно в центральной области. «Посадские и волостные люди,—говорят нам документы той эпохи,—охудали и обдолжали великими долгами». Восстановление порядка отнюдь не содействовало уплате этих долгов,—напротив, сопровождалось такими явлениями, которые требовали с трудового населения все больших и больших пожертвований, приносили ему все больше и больше ущерба. При первом царе новой династии казна хронически нуждалась в средствах, и землевладельческое правительство тянуло их с посада и села. Земледельческому населению приходилось совсем туго. Надо было платить большие контрибуции соседям—шведам и полякам, как нельзя лучше воспользовавшимся смутой, для того чтобы выжать из Московского государства все, что возможно. Большие деньги потребовались на борьбу с поляками из-за захваченного ими во время смуты Смоленска, поэтому пред смоленской войной налоги были увеличены, и низшим классам, на которые

---

[1] См. об этом в „Русской истории" М. Н. Покровского.

свалилось новое тяжелое бремя, ничего не оставалось как подавать верховной помещичьей власти челобитья с бесплодными жалобами на «скудость», которую они, «сироты государевы», претерпевают. Смоленская война велась в 30-х годах XVII века. Тогда же на Русь свалилось и другое бедствие—целый ряд неурожаев. Разорение крестьянства повело за собою в дальнейшем рост крепостного права. Оно распространялось теми же путями, как и раньше, в XVI веке, путем прежде всего задолженности и путем соответствующей классовой правительственной политики. Победившее крестьян дворянство окончательно усаживается на местах боярства. Раздача земель правительством новой династии, которое не медлило с этой раздачей, создает новых крупных помещиков, которые стремятся обратить пожалованные земли в свое наследственное достояние, в вотчины,—и в XVII столетии вотчинное владение начинает преобладать над поместным. В этой новой дворянской вотчине как бы оживает стародавняя феодальная боярская вотчина с ее натуральным хозяйством. Прежняя напряженность в эксплоатации служилой массой сельского хозяйства ради сбыта его продуктов, что разлагало феодальный строй общества и губило крупное боярское землевладение, сменяется патриархальными приемами эксплоатации, когда-то господствовавшими именно в крупных феодальных вотчинах, т. е. барская запашка сокращается, земля передается крестьянам, которые облагаются за ее использование определенным, преимущественно натуральным оброком. На этой почве оживших феодальных отношений довольно быстро изживаются бедственные результаты смуты в разоренной ею и запустевшей центральной области государства. Она снова наполняется населением; места, лежавшие «впусте», в «перелоге», снова

обращаются в пахотные поля. Крестьянин, прикрепленный теперь к помещику так, что тот распоряжается им как своею собственностью, однако на предоставленной ему барской земле становится более сытым, чем раньше, и потому неудивительно, что в его протесте против помещика, в его борьбе с ним за освобождение от крепостного ярма в первой половине XVII века наступила некоторая «передышка». Но это было временным затишьем. Жизненные процессы протекали в направлении не улучшения, а ухудшения положения крестьянства, равно как и «меньших людей» города. Чем дальше подвигался вперед XVII век, тем больше давил развивавшийся в ремесленной Руси торговый капитал. Развивался этот капитал на почве внешней торговли, в которой участвовало само московское правительство, сам московский царь, которого иностранные наблюдатели тогдашних международных коммерческих отношений называли «первым купцом» в государстве. В то время когда Русь в 30-х годах (XVII века) изнемогала от неурожаев, этот «купец» чрез своих приказчиков занимался усиленной скупкой хлеба, ибо внешняя хлебная торговля была царской монополией. Довольно указать, что царский приказчик Юдин закупил на царя не менее 22 649 четвертей в одной Тотьме (по 80 денег).

Понятно, что хлеб страшно вздорожал. Торговый капитал, начиная с капитала главного землевладельца в стране—царя, действовал усердно. Но не один хлеб был объявлен царской монополией. В правительственную торговлю были взяты все главнейшие и наиболее ценные предметы сбыта за границу, как-то: меха, икра, клей, ревень. В торговле с Персией царь явился посредником-монополистом на заманчивейший персидский товар—шелк-сырец. Самой же доходной царской мо-

нополией была, разумеется, торговля хлебным вином, на гонку которого и был направлен хлеб, когда не удалась широкая торговля им с Западной Европой. Так путем монопольной торговли создавался правительственный капитал. Но царь, как обладатель торгового капитала, был не один, выгоды от монопольной коммерции он разделял со своим крупным купечеством. Это прежде всего так называемые «гости», самые богатые представители тогдашней русской буржуазии. Из этих-то крупных купцов царь и брал приказчиков для своего торга, для своей «товарной казны»,—недаром иностранцы называли «гостей» «коммерческими советниками» и «царскими факторами». Они были, как и дворяне, тоже служилыми людьми, но кормились они от царской торговли, управление которой сосредоточивалось в особом центральном учреждении—в «Приказе купецких дел». И «гости» хорошо кормились. Они становились капиталистами, наживаясь на «товарной казне» и как доверенные приказчики в царской коммерции и как торговавшие за свой собственный счет. «Гости» имели право отправлять свои товары даже за границу, и потому они, закупая товары для царя, приобретали их для своего отпуска. Царь делился с «гостями» своим монопольным правом и барышами. «Гости» же, не будучи в состоянии охватить всю русскую торговлю, делились своими правами и с другими крупными купцами (из гостиной сотни), не попавшими в разряд «гостей». Так образовалась довольно сплоченная группа русских капиталистов. Но властное положение на русском рынке принадлежало «гостям». Оно давило как на всю мелкую торговую братию, так и на производителя—ремесленника-кустаря и крестьянина. Понятна ненависть к «гостям» населения, готового—по свидетельству (более позднему) близко знавше-

го нашу торговлю XVII века иностранца—свернуть этим царским факторам шею при первом же народном возмущении. Кроме среднего и мелкого купца и ремесленника к «гостям» недоброе чувство неизбежно должен был питать и крестьянин, ибо они ухитрялись всякими способами подешевле обобрать хлеб и другие деревенские товары и у тех крестьян, которые работали не на отдельных помещиков, а на целую организацию их, на государство,—у государственных, или «черносошных» крестьян. Скупщики капиталисты богатели и жирели, а крестьяне беднели и хирели. Такое влияние на материальную жизнь оказывало развитие торгового капитала.

Государственная организация помещиков и крупных купцов, «бояр» и «гостей», и сама по себе предъявляла громадные требования к посадской и крестьянской массе. Эта масса была тяглой, или податной, из нее выжимали средства на содержание государства и на все его предприятия в интересах высших классов—служилого, в том числе бояр, капитальных купцов, бывших в значительной мере служилыми людьми, и высшего черного духовенства. И содержание это вместе с развитием торгового капитализма и денежного хозяйства, а следовательно с увеличением потребностей господствующих общественных групп делалось все дороже и дороже и непосильнее для «маломощной» народной массы, прежде всего для крестьянства, на плечах которого лежала самая тяжелая форма труда. Требования государства, как обычные, так тем более исключительные—во время войны, были невмоготу простому народу города и деревни, но чиновные представители этого помещичьего государства делали их, чрез всякие злоупотребления властью, совсем невыносимыми. Взяточничество и всевозможные вымогательства

процветали. Истец и ответчик были всегда оба виноваты уже потому, что воеводе или дьяку хотелось сладко есть и пить и мягко спать. Московская «волокита» по приказам была тем испытанным средством, при помощи которого любого посадского и крестьянина можно было раздеть догола и пустить на все четыре стороны без всякого удовлетворения в его наизаконнейших правах. И раздевали, снимали последний зипунишко. Так было после восстановления порядка не только при первом, но и при втором царе новой династии. И даже чем более укреплялся восстановленный порядок, тем более вместе с ним обогащались правящие; чем более у московских дьяков выстраивалось в столице каменных палат, тем больше появлялось «голых» в Московском государстве, которым некуда было итти попрежнему кроме холопства или разбоя. Государственный порядок торжествовал. Со второго царя не брали уже ограничительной записи, считая его и без того очень тихим; потому Алексея Михайловича называли даже «тишайшим». Но обошлись без юридического документа, конечно, не вследствие мягкости царского характера, а потому, что правление все равно было боярско-дворянским, и царь, какой бы он ни был, являлся лишь простым придатком к нему, его показным представителем. Следовательно, когда торжествовал восстановленный государственный порядок,—тем самым торжествовало насилие, идущее сверху, от развивавшегося торгового капитала. Благодаря именно этому материальному фактору крестьянство кабалилось помещику и рынку. Венцом помещичьего торжества было то, что стало возможно создавшееся в жизни полное прикрепление крестьянина к помещику на частновладельческой земле оформить в законе, и это было сделано «Уложением», утвержден-

ным на Земском Соборе 1648—1649 гг., на котором сверх высшего духовенства были представители лишь боярства, дворянства и купечества. Этим Соборным Уложением совсем были отменены сроки для сыска беглых крестьян, и крестьянин, таким образом, по закону навсегда делался крепостным того помещика, на земле которого он жил, сколько бы времени он ни находился в бегах. Помещик добился своего. Добились своего и крупные купцы, «гости». Им требовалось больше простора для приложения тех капиталов, которые они нажили в сфере царской или правительственной торговли как служилые коммерсанты; помехой им служила английская компания, торговавшая в Московском государстве и пользовавшаяся здесь большими привилегиями, и вот в том же 1649 г., когда закончилась работа по рассмотрению и утверждению Уложения, «гости» добились уничтожения привилегий этой компании и изгнания ее агентов из пределов государства. Английская компания вредила туземным купцам, начиная с первого из них—с царя, так как ей попадала львиная доля барыша от торгового оборота; теперь, по устранении английской компании, царь и «гости» могли развернуться в торговле во всю ширь своих аппетитов. И они развернулись. Англичане, действуя в Московском государстве как во всякой колонии, хищнически эксплоатировали русского производителя—крестьянина; всюду неслись вопли, что они, вывозя из страны хлеб, «оголодили русскую землю». Туземные толстосумы «гости» в торговле заняли место англичан и, оставшись без конкурентов, добились и того, что трудовое население стало их ненавидеть едва ли еще не более, чем пришлых хищников.

В начавшихся в царствование Алексея Михайловича городских бунтах народ протестовал не только против злоупотреблений приказной администрации, но и против гнета, какой им испытывался на рынке от кулацкой эксплоатации бедняка-потребителя «гостями» и вообще «лучшими людьми», т. е. купцами с толстой мошной. Во время так называемого медного бунта в Москве мятежной толпой был разгромлен дом «гостя» Шорина, ненавистного народу богача и мироеда.

Власть торгового капитала была всеобъемлющей. Через помещика, стремившегося из своего поземельного владения извлечь возможно большее количество продуктов, она давила крестьян; через скупщика и торговца она давила тех же крестьян и, сверх того, все трудовое ремесленное и чернорабочее население городов. Города были организованнее и потому чувствительнее к гнету,—поэтому отпор ему дали прежде всего горожане. В городских бунтах участвовала и низшая служилая масса—рейтары, пушкари, затинщики и т. п., которых нельзя отделять от остального простого народа и которые вместе с ним разделяли тяжесть вздуваемых рыночных цен, как это было, например, перед так называемым медным бунтом (1661 год) в Москве из-за злоупотребления с выпущенными в неумеренном количестве медными деньгами и из-за падения на них курса, а вместе с тем из-за страшного вздорожания всех товаров.

Село, вследствие разбросанности и полной неорганизованности крестьянства, выступить с протестом долго было не в состоянии. Оно попрежнему реагировало на все свалившиеся на него тяжести пассивно—бегством своих членов с родного пепелища. Как во время кризиса сельского хозяйства во второй половине

XVI века, и теперь крестьяне бежали на окраины и к низовым городам, на Волгу. Туда, в низовые волжские города, при Алексее Михайловиче и само правительство ссылало в те времена захваченных при подавлении бунтов в Москве, через что, разумеется, только увеличивало горючий материал в Нижнем Поволжьи. И среднее Поволжье пылало недовольством.

Помещик успел укрепиться и в Поволжьи. Здесь оказалось еще больше простора для его произвола. Он так налег на труд своих крестьян, что, бывало, собирал с них деньги в двойном размере, и «крестьянишки» воистину становились «сиротами государевыми», как они иначе сами себя называли, т. е. безнадежными нищими. Воевода и всякий приказный человек в Среднем и Нижнем Поволжьи, еще недавно сделавшемся московской колонией, усиленно наживались на эксплоатации не только русского, но и—это в особенности—инородческого населения, едва переносившего московское подданство. Притеснения от духовенства, особенно от монастырей, взявших на себя миссионерскую роль и потому сугубо ограблявших мордву, черемис (мари), чуваш, татар и других, делали их окончательно непримиримыми врагами московской власти. Но в XVII столетии главнейшие потоки эмиграции из крепостной Руси направлялись на Дон, в один из самых важных центров казачества. Прежде всего именно здесь скапливался горючий социальный материал. Сюда массами побежали холопы и крестьяне в 60-х годах XVII века. Массовый же приход на эту казацкую реку порвавших с подневольной пашней людей дал возможность им яснее осознать свое положение и приступить к объединению. Организатором беглых холопов и крестьян на Дону, как и раньше, во время смуты на Се-

верской Украине, явилось казачество, единственная организующая сила в древней истории нашего крестьянства. Организованное движение с Дона пришедших сюда «голых», обобранных и убежавших сюда из-под неволи людей, и послужило толчком к новому громадному крестьянскому восстанию, или, что то же, к новой крестьянской революции.

Глава VII

„Собрание“ на Дону голытьбы и ее предприятия „за зипунами“, перешедшие в широкое народное восстание в Поволжьи

1

Отправным моментом того народного восстания в XVII веке, которое соединяется с именем Разина и называется в исторической литературе «разиновщиной», следует считать усиленную эмиграцию великороссийского крестьянства (включая сюда и холопов) в Подонье. Вот как эта эмиграция изображается в актах: «Во многие донские городки,—читаем мы здесь,—пришли с Украины (московской) беглые боярские люди и крестьяне с женами и детьми, и оттого ныне (1668 г.) на Дону голод большой». Холопов и крестьян сошлось так много, что здесь возник даже большой голод. Очевидно, это был сплошной поток беглецов от помещичьей неволи. Это был народ совершенно неимущий, голяки, у которых, кроме жен и детей, ничего не было; были, правда, у этих беглецов сильные мозолистые руки, но в них надобности на Дону не оказалось—слишком велико было предложение рабочей силы, а спрос был слаб. На Дону жили люди вольные, казаки. Они если и служили московскому царю, то служили, как они сами говорили, «с воды да с травы, а не

с поместий». Казаки пашни своей не имели. Но в те времена, о которых идет речь, они не были имущественно равны. Отчетливо обозначились две группы донских казаков: исправные, иногда даже состоятельные, «домовитые» и бедняки, не имевшие ничего, кроме буйной головы, те, которых современные им документы определяют как «голых и зерщиков», «голутвенные казаки». Эта вторая группа пользовалась полной свободой и входила в казацкий круг вместе с первыми на правах товарищества, но имущественное неравенство клало между этими группами известную грань, и потому членам второй группы так или иначе приходилось работать на членов первой в качестве наемников, нередко и задолжавших своему более счастливому и более крепкому товарищу. Так при политическом равенстве среди донского казачества образовалось два экономических класса—своего рода казацкая буржуазия и казацкий же пролетариат. Хлебопашества на Дону тогда еще, как сказано выше, не было, и потому домовитые казаки не были помещиками, а занимались разными речными промыслами, в особенности рыболовством, и настолько в широких размерах, что требовалась подсобная рабочая сила, которую они и находили в «голутвенных казаках», не имевших своих снастей для промысла. Таким образом, нужда в рабочих руках на Дону, поскольку в них нуждалась казацкая буржуазия, удовлетворялась прежде всего местным предложением, а потом уже и предложением только что пришедших на Дон беглых крестьян. Но когда этих последних на Дону собралось слишком избыточно, то, естественно, они не могли найти здесь работы, а следовательно и пропитания. Казацкое общество, приняв беглецов в свою среду, не могло, однако, их прокормить, ибо своего хлеба не имело,—хлеб у донских

казаков был привозной из Москвы, и на всех с новыми многочисленными ртами его не хватало. Отсюда и «голод большой», который начал свирепствовать на Дону вместе с приходом сюда с московской окраины холопов и крестьян. Голодали-то прежде всего эти самые московские эмигранты—холопы и крестьяне. Теперь они сделались тоже казаками, только пока голодными; но здесь, мы знаем, были и свои голодные—это те из прежних казаков, которые пропивались и проигрывались в «зернь» и оставались «голыми». В состав этой казацкой группы, «голутвенных казаков», неизбежно и вошла вся масса пришедших в донские городки холопов и крестьян. Таким путем количество голытьбы в конце 60-х годов на Дону заметно увеличилось, и эта голытьба по своему составу приобрела определенно крестьянский характер. Положение ее было очень тяжелое. Надо было что-нибудь предпринять, иначе умрешь с голоду. Голод—достаточно сильное побуждение объединиться для какого-нибудь общего предприятия. Самый излюбленный в казацких местах промысел—это предприятие за добычей или «за зипунами», как говорили казаки. «Голым», конечно, прежде всего надо было одеться,—потому был полный резон добыть себе «зипун», который очень удобно покрывал собой и всю остальную добычу. Добычничество неизбежно вытекало из положения казачества на отдаленных окраинах, и казаки, не производя хлеба, не производили и других нужных им товаров—сукон, оружия и пороху. Приходилось им покупать их или брать где-нибудь силой, завоевывать. Как людям более военным, чем промысловым (рыбные промыслы, которыми занималось казачество, не могли дать им достаточно средств на покупку), казакам улыбался более второй способ приобретения товаров и вообще

«казны», денег. Отсюда понятна та готовность, с какой откликались казаки, особенно неимущая казацкая голытьба, пополненная только что вырвавшимися из неволи беглыми холопами и крестьянами, на призыв собраться и итти на море или на Волгу для излюбленного казацкого промысла—за добычей. Коренная казацкая буржуазия лично избегала участвовать в опасных «воровских» налетах; ее представители раньше ходили «за зипунами», когда им это было надобно, а потом, когда обзавелись хуторами и промысловым хозяйством, они поступали уже по-хозяйски: участвовали в предприятии не собственной саблей, а капиталом—снабжали голутвенных оружием, порохом, съестными запасами, давали всякую подмогу на снаряжение боевых стругов, с тем, чтобы впоследствии, когда казацкая ватага голутвенных вернется домой с добычей, получить свою долю, равнявшуюся обыкновенно половине. Таким образом «голые» как добычники в «воровских» походах работали исполу с оставшимися дома казаками-богатеями. Поэтому, когда вынужденная голоданием голытьба начала соединяться и «думушку думать», куда бы итти за добычей, то понятно, что это «воровское собрание»—как сборище «голых» аттестовалось на тогдашнем официальном языке—нашло тщательно скрываемое от московского правительства, но несомненное сочувствие в буржуазной части донского казачества. Вдобавок из этой именно казацко-буржуазной среды вышел и тот человек, который явился руководителем собравшейся голытьбы.

2

Степан Тимофеевич Разин, до сих пор известный в России всем и каждому, был старый «значный» казак, ценившийся в казацком кругу и среди выборных его

властей; он, говорят, был к тому же крестником главного атамана всего донского войска Корнила Яковлева. Казацкий круг Степану Разину давал ответственные и нелегкие поручения по сношению и заключению договора с соседями калмыками ради общих операций, в союзе с Москвой, против турок, значит—по дипломатической части. Очевидно, Степан Разин был очень на виду, находился на линии блестящей казацкой карьеры, и современем, при обнаруженном уже им быстром уме, при хорошем глазомере и большой ловкости в соединении с выдающейся физической силой и представительной, властной осанкой—ничто ему не мешало занять почетное и видное место своего крестного отца, место первого представителя всего донского казачества. Но он пренебрег этой линией, не пошел по дороге «легальной» казацкой карьеры. Степан Разин порвал со своей ближайшей средой—«домовитыми» казаками—и перешел в стан «голых». Для чего это он сделал? Неизвестно. Но факт остается: не «голяк», а вполне исправный, довольно заслуженный и уважаемый казак стал вождем тех, кого народная песня называет «голью кабацкой», т. е. бывших холопов и крестьян, заливавших свое горе «зеленым вином» и становившихся нередко действительно бесшабашными гуляками, пропивавшими и проигрывавшими все с себя до ниточки. Переход Степана Разина к таким людям—а их было много—не представляет никакой психологической загадки, если мы не забудем, что часто планы и намерения, родящиеся в голове отдельной личности, не совпадают с интересами того класса, из которого он вышел. Трудно, разумеется, сказать, какие мысли роились в хмельной голове Степана Разина, когда он, прекратив появляться в кругу старых казаков, сидел в кабаке и здесь «думушку думал со голытьбою». Но

позднейшее его, чисто революционное выступление как будто бы намекает, что эти мысли были не совсем обычны, что на поход «за зипунами» он смотрел не как на самодовлеющую цель, а как на средство для дальнейшей, неизмеримо более широкой и более грозной цели. В голытьбе преобладающим элементом были беглые крестьяне; Разин знал закрепощенную крестьянскую Русь, ибо он бывал в Московском государстве и прошел по его территории из края в край до Соловков в качестве богомольца, а может быть, разведчика, хотя, надо думать, ощупью, невольно, без заранее обдуманного намерения—о положении черного народа. Если принять во внимание эти предпосылки, то не представляется невероятным, что Разин, видя пред собою беглых представителей этой угнетенной крепостным ярмом и начисто ограбленной крестьянской Руси, слыша их ругательства и проклятия по адресу господ и властей, от коих они утекли, мог хотя бы на одно мгновение быть захвачен, как молния, просиявшей в его возбужденном мозгу мыслью о необходимости борьбы с боярской Москвой, с помещиками и властями ради освобождения всего «крестьянства», всей «черни», всех бедняков. Это предположить возможно в той же мере, как невозможно доказать документально. Мог Разин, как сообщает иностранный рассказ, руководствоваться и чувством мести за старшего брата, казненного московским боярином; это чувство могло лишь подкреплять его выступить против московских «бояр» за «чернь». Вполне ясно одно: в первый момент «собрания» голытьбы на Дону вместе с присоединившимся к ней в качестве руководителя Степаном Разиным на первый план выступало предприятие за добычей: саблей приобрести «казны сколько надобно», как пелось в разинской песне. Голодовка,

повторяю, которую испытывали беглые холопы и крестьяне со всей вообще голытьбой на Дону, в этот момент толкнула их на это добычное предприятие. Мы не станем здесь рассказывать об этом предприятии Разина, как непосредственно не относящемся к нашей теме и к тому уже излагавшемся нами в других научно-популярных работах [1]; мы кратко лишь отметим первые набеги крестьянско-казацкой голытьбы, подчеркнув в них то, что было наиболее ярким проявлением происходившей тогда классовой борьбы. На Азовское и Черное моря «за зипунами» голытьбе итти не удалось: с Турцией был мир у Москвы и Дона, и, сверх того, устье Дона крепко охранялось укреплениями Азова. Голытьба с верховьев Дона перебросилась на Волгу. Отряд ее более чем в тысячу человек напал на шедшие сверху торговые суда царя, патриарха и московского богатого гостя Шорина. На судах или «насадах» Шорина был также и «государев хлеб». Все это было захвачено, насад с хлебом был потоплен. Служилые люди и приказчики с царских, патриарших и купеческих судов были или тоже потоплены или перевешаны на мачтах. Рабочие с захваченных судов присоединились к отряду Разина. Отряд его на Волге быстро увеличился, а это обстоятельство и дало его вождю возможность пройти с боем на Каспийское море и дальше, вдоль его берегов, к реке Яику, подняться по этой реке до городка яицких казаков того же наименования, взять его и, расправившись здесь с начальными людьми и со всеми, не признавшими его, новоявленного вождя вольницы, зазимовать, удач-

---

[1] „Разиновщина как социолого-психологическое явление народной жизни". Москва. 1920 г., 4-е издание; „Народные движения до XIX века". Москва. 1924 г., „Чтения по истории Нижнего и Среднего Поволжья". Казань. 1921 г., 2-е издание.

но в течение зимы промышляя все тем же казацким промыслом на Каспии. Но этой добычи, которая была приобретена на море и на Волге, было мало, вследствие чего весной Разин с присоединившимся к нему Сергеем Кривым, подобным же атаманом собравшейся вокруг него голытьбы, отправился на больших морских стругах в поход к персидским берегам. Хотя во время этого продолжительного предприятия и немало погибло казаков и в том числе отважный атаман Сергей Кривой, но в общем оно было удачно: оставшиеся казаки перестали быть «голыми», оделись очень хорошо, даже богато в персидские ткани, добыв себе «саблею» много персидских пленных и пленниц и всякого ценного добра. Чтобы не потерять всего этого при дальнейшем пребывании в Персии, казаки ровно через год от их выступления с Яика вернулись снова на низовья Волги. Настроение простого народа здесь было чрезвычайно неустойчивое: он весь готов был присоединиться к столь счастливому атаману, как Степан Разин, слава которого после персидского похода сразу выросла до сказочных размеров. Московское правительство, зная о настроении низового волжского населения, готово было итти на известное компромиссное соглашение с Разиным и его товарищами. В этом смысле была даже заготовлена «милостивая государева грамота» к вернувшимся с моря казакам. Разин, с своей стороны, тоже не хотел рисковать приобретенной добычей и был не прочь принять предлагавшиеся ему и его товарищам условия. Поэтому соглашение состоялось и было оформлено в Астрахани, куда воеводы пустили удачливого атамана и его воинство. Здесь Разин прожил недолго, но успел произвести на простой народ глубокое впечатление. Тысячеустая молва о подвигах удалого атамана за морем, о привезенных

им богатствах и безграничная щедрость ко всем беднякам сделала его для народа «батюшкой Степаном Тимофеевичем»; пред ним, как пред своим царем, народная толпа вставала на колени и взирала на него с надеждой как на своего избавителя от воеводско-приказных насилий и вымогательств, приводивших к разорению и нищете. Разин учитывал впечатление, производимое его успехом на простой народ, и быстро освоился с ролью народного вождя. С астраханскими воеводами он вел себя презрительно-снисходительно и гордо, прозрачно намекая, что не ему, а им надо бояться. Сам он действительно не боялся и заключенный с московским правительством договор выполнял неохотно и далеко не в полной мере. Персидских пленников он отпускал только с выкупом, а пушки выдал воеводам только те, которые ему были не нужны как слишком громоздкие для похода по степи; небольшие же, легко перевозимые пушки он оставил у себя, говоря, что они нужны в предстоящем ему степном пути на Дон. Со всеми этими фактическими поправками, внесенными Разиным в договор с Москвой, местной власти пришлось примириться. Астраханские воеводы видели, что конфликт со столь любимым «чернью» атаманом может повести к большому смятению, и в этом смысле отписывались в Москву, стремясь к одному—как можно скорее выпроводить Разина с его вольницей на Дон, пропуск куда давался Разину с товарищами согласно договору. Но отпуская Разина из Астрахани на Дон, астраханские воеводы требовали от него, чтобы он дорогой никого «не подговаривал» в свою казацкую дружину. Эта предосторожность, вероятно, была вызвана начавшейся уже в Астрахани агитацией Разина среди простого народа. Продолжалась она и тогда, когда удалой атаман, вволю

попировав в Астрахани и даже утопив в Волге свою любовницу—красавицу персианку, наконец, двинулся во-свояси, на тихий Дон. По дороге он видел всеобщее недовольство московскими властями и тяготение к нему и его товарищам; ему ясно было, что тяжелые условия жизни простого народа в поволжских городах, эксплоатация его администрацией и толстосумами-купцами, все более и более жиревшими по мере развития крупных торговых операций на волжском пути, создали в городском, да и в сельском населении полную готовность к восстанию, а следовательно и поддержку ему, славному атаману, если он начнет его со своим казацким войском. Для того, чтобы обеспечить успех восстания, необходимо было сформировать возможно большее казацкое ядро. К этому и вела агитация, «подговаривание», которое Разин широко применил во время пути по Волге и в Царицыне, где он, вопреки запрету, остановился и определенно принял сторону обираемых против обирателя—местного воеводы, пригрозив ему в ближайшем будущем расправиться посвоему. Разин разразился бранью и по адресу астраханского воеводы, когда тот прислал к нему в Царицын своего подручного с увещанием прекратить «невежества», причем Разин дал понять, что он как вольный и властный человек не боится и того, кто повыше астраханского воеводы. Это уже была угроза «великому государю», который только-что «отдал вины» Стеньке Разину с товарищами и ждал от них верной службы их собственными «головами». Это все определенно указывает на то, что примирение Разина с московским правительством было несерьезно, ибо на него предводитель вольницы смотрел как на кратковременную передышку, чтобы собраться с силами. И действительно, недолгое время, которое он

провел на Дону, было употреблено им на агитацию и формирование особого казацкого войска для несомненно задуманного выступления против Москвы, против ее «бояр» и властей.

3

На Дону Разин устроился отдельно от казацкой буржуазии. Бывшие холопы и крестьяне, составлявшие его дружину, понаделали себе землянок на одном донском острове, ниже городка Кагальника; получился новый городок—«Земляной городок», который и стал центром разинской агитации. Бывшие «голяки» вернулись одетыми и даже хорошо, денег и всякого добра они привезли много; приобретавшие это добро исполу поделились со своими испольщиками и тем, несомненно, привлекли на свою сторону ту часть казацкой буржуазии, середняцкую часть, которая до сих пор занимала осторожное, выжидательное положение. Привезенная добыча явилась лучшим агитационным средством, и в разинский городок со всех сторон потянулась крестьянская голытьба, мечтавшая разбогатеть так же, как это удалось Разину с товарищами. Войско славного атамана, называвшее его отцом, увеличивалось. И сам он прилагал к этому свою руку. Опираясь на собравшуюся вокруг него силу казацкого пролетариата и на тайное сочувствие к нему и середняцкого, а частью и вполне зажиточного казачества, Разин из своего городка прибыл в центр донского войска Черкасск и здесь, в казацком кругу повел решительную агитацию в пользу нового, задуманного им предприятия—или нового «воровства», как аттестуют разинский замысел московские акты. Подробно о своем замысле Разин не объявлял; лишь самые близкие к нему люди знали в точности, к чему

он готовился. Но всем и без того было ясно, что прославившийся удачей атаман задумал нечто серьезное, хочет шагать широко и на этом пути неминуемо столкнется с Москвой. На такой исход дела указывало все поведение Разина. Во время своей агитации он не щадил даже религии, бросая и против этого устоя Дона сокрушительные «крылатые слова» или «развратные речи», как называют их те же правительственные московские акты. Сгоревшие церкви он не советовал возобновлять как нечто ненужное, бесполезное, а попов прямо начал гнать с Дона как царских богомольцев—людей, для Дона вредных. Сам Разин вырос в том же уважении к «православной вере», в каком выросли и все его товарищи. Он ее исповедывал и от нее, в сущности, не отказывался; но так как ту же «веру» исповедывала и Москва, которая через попов добивалась этим духовным орудием разных своих практических целей, то, понятно, Разин стремился ослабить уважение к «православной вере» во всех тех, к кому он обращался как к будущим своим сподвижникам, и через то освободить их от всех прежних «присяг» и всяких обязательств Москве, скрепленных крестоцелованием. И только! У себя, в своем войске Разин оставил попов, не желая итти против привычек массы, но это были его попы, «воровские», разинцы. Белое духовенство в ту эпоху (да и позднее) кипело недовольством. Эта общественная группа всегда была угнетена поборами, но в только-что закончившееся управление церковью патриарха Никона этот гнет значительно усилился. Увеличилась и оппозиционность белого духовенства, выставившего из своей среды главных вождей раскола. Разин, ненавидя московских бояр так, что встал за низверженного ими патриарха Никона, готов был поддерживать и расколь-

ников, так как он нажимал все пружины, лишь бы сплотить вокруг себя возможно бо́льшее количество недовольных. Таковых немало было и среди черного духовенства, потрясенного, как и белое, «новшествами» Никона и его жестокой финансовой политикой. Разумеется, не монашеские верхи, не князья церкви, а рядовые «старцы», особенно бродящие из монастыря в монастырь, готовы были пристать к какому угодно предприятию, если оно сулило возможность утолить клокотавшую в груди ненависть к высшим и во-всю насладиться вольною жизнью. Такая психология, создававшаяся тяжелым положением демократических низов, охватывала обыкновенно и часть монашеского духовенства в моменты глубоких переломов и кризисов народной жизни. Так, например, было в Германии во время Реформации, когда началось широкое крестьянское восстание одновременно с движением среди городского ремесленного пролетариата. Нечто подобное происходило и на Руси во времена Разиновщины: черные попы, как и немецкие монахи перешедшие к анабаптистам, оказались сторонниками нового социально-экономического устройства. Сам главный вождь движения не чуждался таких прозелитов из духовенства. «У Разина самого был духовник, черный поп Феодосий, ходивший с кинжалом и посвященный «в замыслы» своего духовного сына. Он был полезен Разину и как проницательный сыщик и как охранитель [1]. Со стороны психологической в разинском движении произошел известный подбор людей, готовых на все, преимущественно таких, кому нечего или немного было терять,—и из духовенства около Разина остались только люди, способные не только истово осенять крестом, но и хорошо

[1] Подробности об этом см. в моих „Народных движениях до XIX века", Москва. 1924 г.

действовать ножом. Все же, что могло постоять за Москву, было отброшено. Таким образом, выпады Разина против «православной христианской веры» были выпадами против Москвы, они имели более политическое, чем религиозное значение. Убийство Разиным царского посланца на Дон с «милостивой грамотой» и со шпионскими полномочиями было уже прямо вызовом Москве от этого, уже признанного вождя всех «голых» и обиженных. В Москве чрез шпионов знали или догадывались о приготовлениях Разина. Чтобы предотвратить исполнение их, Московское правительство старалось подействовать на Дон блокадой—запрещением торговым людям, под страхом смертной казни «без всякой пощады», ездить туда с хлебными и съестными запасами и другими товарами, в которых донское казачество нуждалось; запрещалось это до тех пор, «покаместа,—говорилось в грамоте,—от его, Стенкина воровства Дон очиститца». Но, с другой стороны, и Разин принимал свои меры против Москвы. Степной путь был захвачен разинцами: там залегли «воровские казаки от Стеньки,—сообщало донесение в Москву,—учинили заставы крепкие по дорогам, где преж сего хаживали, чтоб им, ворам, великого государя посланников, кто куды послан, перенять и вести взять к нему, вору Стеньке» [1]. Обеспечивал себя Разин и союзом с хорошо известными ему калмыками. Один крестьянин Трофим Иванов сообщил в Москву, что при нем приезжали на Дон к Стеньке из-под Астрахани два посланца от калмыцких улусов и говорили, что «когда он пойдет в Русь, то их калмыцкое войско все готово» [2]. Сообщалось, что Разин укрепился и

---

[1] Моск. архив бывш. министерства юстиции, разрядный приказ белогор. стол, столбец 670.

[2] Там же.

в Кагальнике с 5 000 человек его «воровского собрания» и готовил для себя и конное войско, а что 10 стругов у него приготовлено. Доносили, что будто бы Разин своего брата Фрола куда-то «отпустил» с 4 000 казаков. Может быть, и была какая-нибудь разведка, но, разумеется, не с таким количеством участников. Приезжал к Разину из-под Тамбова «атаман Микишка (Никифор), по прозванию Чертенок», как сообщал правительству тот же доноситель, который «не ведает, «для чего» он (Чертенок) приезжал». Доноситель лишь предполагает, что Чертенка, этого «воровского товарища Стенькина», где-нибудь «побили», почему он и приезжал на Дон к Разину [1]. Так готовился Разин к новому выступлению со своим «воровским собранием».

Весной 1670 г. достаточно значительное для того времени и места войско Разина (до 7 000 человек) перешло с Дона на Волгу. Расчет был не только на социальные низы города, но и на деревню, на крестьянство—прежде всего русское, а потом и инородческое. Положение крестьянства и готовность его к восстанию Разину и его ближайшим сподвижникам хорошо были известны. В разинское войско только-что влился отряд атамана Василия Уса, состоявший из нескольких сот человек, по всей вероятности—беглых крестьян; эта шайка пред тем действовала по селам против помещиков, поднимала на них закрепощенных ими пахарей. Инородческие «уездные люди», при незнании русского языка притесняемые русской администрацией без всякой меры, кипели к ней лютой ненавистью

---

1 Моск. арх. бывш. мин. юст., разр. прик. белогор. стол, столбец 670.

и готовы были подняться на нее по первому призыву.

На Волге прежде всего был взят Царицын; помогли «градские люди», сбившие замок у городских ворот и впустившие казаков в город. Это—городское простонародье, бедное, озлобленное, тяготевшее к казацким порядкам и обычаям, которые несли им Разин с товарищами. И тогда ясно было, что началась борьба бедных с богатыми, властных с угнетенными, борьба низших классов с высшими. Здесь впервые Разин объявил в своем казацком кругу свою революционную программу: «Или итти вверх по Волге под государевы города и воевод из городов выводить или б итти к Москве против бояр». Москва, очевидно, была конечною целью похода. Но чтобы добраться до нее, идя Волгой до известного пункта, надо было обеспечить себе тыл; и потому после Царицына Разин двинулся не вверх по Волге, а вниз—к Астрахани. Этот город ждала та же судьба, которая постигла Царицын. В Астрахани не доверяли простым ратникам, и потому дворяне сами встали на их место. Но это не помогло и не могло спасти Астрахани. Она была взята с помощью посадской же «черни». В Астрахани, как и в Царицыне, было введено вместо московского воеводско-приказного управления казацкое устройство. При этом произведена была расправа над администрацией и другими представителями боярско-служилого класса, а также и зажиточного купечества. В этой расправе сказалась классовая месть угнетенных низов против правящих верхов общества, как о том, помимо памятников, свидетельствует и народная песня, поясняющая, что астраханский губернатор (воевода тож) был казнен «людьми вольными», т. е. освободившимися от московского рабства, за то,

что раньше, когда они были под его властью, он «губил» их, «в ссылку ссылал», их «жен» и «детей» «на воротах расстреливал». Для дальнейшей расправы с служилыми и дворянами, которые попрятались и уцелели от казни, но которых городская «чернь» желала казнить, Разин в Астрахани оставил свою правую руку—Василия Уса, сам же, во исполнение своей программы, двинулся вверх по Волге с главными своими силами. В Царицыне, в кругу окончательно рассматривался вопрос, какой дорогой итти дальше на Москву—степью ли чрез украинские города или Волгой,—и было решено итти волжским путем [1].

Повидимому, как это потом выяснилось, Разин хотел итти Волгой до Нижнего, а отсюда уже направиться на Москву. Поход продолжался Волгой. Если из Астрахани Разин вышел с 6 000—7 000 человек, то после Царицына у него было уже до 10 000 войска. Сам Разин шел на судах, его кавалерия двигалась берегом, берегом же шли и запорожцы в конном и пешем строю по обеим сторонам реки. Саратов и Самара были заняты так же легко, как Царицын и Астрахань, и с теми же результатами, со введением здесь казацкого устройства и с кровавой расправой над представителями правящих классов. Но Симбирск задержал Разина надолго, несмотря на то, что под этим городом его войско сильно увеличилось сбежавшимися к нему крестьянскими толпами, русскими и инородческими. Говорят, теперь толпы Разина достигали 20 000 человек. Среди крестьянства происходила агитация эмиссаров Разина, рассыпавшихся по громадному, прилегавшему к Волге, району с «прелестными памятями»,

---

[1] Об этом см. подробности в упомянутых выше. „Народных движениях".

в которых сельские люди призывались к восстанию на помещиков и властей во имя великого государя Алексея Михайловича и патриарха Никона, которые якобы одинаково были заполонены изменниками боярами. Сообщалось, что и царевич Алексей Алексеевич, незадолго перед тем умерший, находится на одном из разинских стругов, покрытом красным бархатом; на другом, покрытом черным бархатом, будто бы, плыл сам «святейший патриарх» Никон. Эти лица и лозунги—за царя и патриарха против бояр—не закрывали, однако, собой главного вождя восстания—Степана Тимофеевича, который в своих прокламациях смело ставил свое имя рядом с царским и в близком же соседстве как с «домом пресвятой богородицы», так и с Магометом (в прокламациях к татарам). Стратегическое положение Симбирска, некоторое промедление Разина в решительных действиях—промедление, давшее возможность московским военным властям стянуть войска из главного военно-административного центра края—Казани, а в особенности присутствие в этих войсках отрядов, обученных иностранному, западно-европейскому строю и соответствующим образом вооруженных,—это причины поражения громадных, но нестройных, как следует не организованных и в большинстве без настоящего боевого оружия повстанческих скопищ Разина под Симбирском, причины полного крушения его революционной карьеры. С Волги, где побитого вождя города уже не принимали, ему пришлось бежать домой, на Дон, а там его ждала ловушка, поставленная ему казацкой буржуазией, и выдача его Москве, не замедлившей его после допроса и жестокой пытки четвертовать на Красной площади. Но с поражением и даже казнью Степана Разина не кончилось возбужденное им народное движение. Оно продолжа-

лось, так как крестьянство было захвачено настолько глубоко, что истребление крестьянских скопищ под Симбирском не произвело устрашающего действия на крестьянские массы обширного Приволжского края. Они продолжали подниматься на помещиков и, собираясь большими толпами, вооруженные чем попало, преимущественно топорами, дубинами и т. п., двигались на местные военно-административные центры—города.

Глава VIII

Крестьянское восстание в Среднем Поволжьи

1

Еще когда Разин стоял под Симбирском, привлекая в свой стан окрестных крестьян, восстание начало распространяться и по местам в западном и северо-западном направлении от этого главного пункта—«Симбирской черты». От Разина из-под Симбирска были посланы небольшие казацкие партии, которые немедленно и зажигали мятеж как в городах, так и в селах. В городе было не меньше, если иногда не больше горючего материала, чем в селе, и во всяком случае из города выходили инициативные лица и группы для поднятия восстания в целом районе—это, как их называли воеводы, «пущие заводчики» «воровства»; кроме казаков, то были стрельцы, оказавшиеся очень ненадежной охраной правительства и высших классов, и «будники», т. е. рабочие на поташных заводах. Таких бунтарей, «пущих заводчиков», с каждым днем становилось все больше и больше, и они вместе с казаками Разина зараз являлись и агитаторами, и организаторами восстания, а иногда и вождями повстанческих банд. Мы знаем, что тяжел и ненавистен был не только помещик, но и воевода и всякий московский чиновник. Потому и государевым дворцовым крестьянам, кре-

постным главного помещика—самого царя, управлявшимся его чиновниками, жилось плохо, и они готовы были на восстание не хуже остальных помещичьих крестьян. Монастырь был тот же помещик и вдобавок часто крупный капиталист-ростовщик, принимавший ценные заклады; поэтому и крестьяне монастырских вотчин нимало не медлили присоединяться к восстанию. Приехали из разиновского стана «засильные воры» в большие дворцовые села Мурашкино и Лысково, и эти села сразу сделались базой для дальнейших революционных действий в вотчинах Троицкого монастыря. «С Мурашкина» «воры» появились в селе Варварском на монастырском дворе. Здесь они стояли двое суток. Что же они тут делали? А вот что: «И что было,—сообщает один из очевидцев,—старинных вотчинных крепостных писем и в денежных и хлебных платежах приказных описей и всяких вотчинных писем и все письма они, воры, передрали и сожгли». Они, значит, уничтожили крепостные кабалы и всякие долговые обязательства по платежам хлебом и деньгами. Но этим зачинщики движения не ограничились. Стравив монастырский овес на своих лошадей, они «ограбили»—и при этом «без остатку»—попа Афанасия и какого-то «подъячего Никитку». Вместе с приезжими «ворами» работали и поднятые ими крестьяне троицких вотчин. Они бунтовали с таким увлечением и подъемом, что доносчик называет их даже «пущими бунтовщиками», особенно некоторых, выделившихся из крестьянской толпы, которых он перечисляет поименно [1]. Это вполне понятно: крестьянам легко было увлечься призывом к восстанию, так как они на своей спине испы-

---

[1] Моск арх. бывш. мин. юст., разр. приказ, моск. стол, столбец 441.

тывали значение тех документов, которые теперь так старательно уничтожались.

Скоро между Окой и Волгой весь нижегородский край был охвачен пламенем мятежа, и это революционное пламя перекидывалось дальше на север, на Унжу и Ветлугу и еще севернее. Как сообщали в Москву правительственные агенты, в Нижегородском уезде повсюду кипело холопско-крестьянское восстание: «разных помещиков и вотчинников люди и крестьяне», пристав к «воровским казакам», т. е. к партиям, прибывшим из разинского войска, «боярские и дворянские дворы разоряли и помещиков своих имали и к ворам отводили и до смерти побивали». Так сообщали московскому царю его воеводы, старавшиеся на местах подавить все шире и шире распространявшееся крестьянское восстание. Это было тем более нелегко, что вместе с русским крестьянством поднималось инородческое. Принесенная повинная, скрепленная крестоцелованием или «шертью» для инородцев, не останавливала те же самые селения снова восстать, как только среди них появлялись разинские агитаторы и организаторы. Так, 11 ноября, т. е. много спустя после поражения Разина под Симбирском, цивильские чуваши, перед тем только-что присягнувшие в верности опять собрались в огромные повстанческие толпы, соединившись «с прежними воровскими русскими людьми». Эти последние ими и руководили, равно как и чувашами и татарами других уездов (очевидно, уже Казанского края), приставшими к «цивильской чуваше». Под предводительством «воровских русских людей», т. е. казаков Разина, все это скопище инородцев двинулось под Цивильск и здесь уже напало не только на помещиков, но и вообще на «многих цивильских градских (городских) и уездных людей»—одних пере-

резали, других побили. Это было настоящее нашествие. Русские деревни были разграблены и сожжены, «помещиковы люди», т. е. холопы, а также крестьяне с женами и детьми взяты в полон [1]. Это был отпор туземцев, исконных жителей края, недавним сравнительно пришельцам. Русская колонизация, отбиравшая у инородцев лучшие земли и угодья, была ненавистна местному населению. Поскольку в колонизации участвовало и русское крестьянство, постольку ненависть к ней инородцев распространилась и на него; но, разумеется, и в этом направлении она прежде всего обрушивалась на исправные, состоятельные элементы русского крестьянства, которые действовали по отношению к инородцам кулацкими способами, умели приспособиться к местным условиям и приняли энергичное участие вместе с помещиками и их приказчиками в первоначальном накоплении на счет забиваемых московскими чиновниками туземцев. По всей вероятности, этим «прожиточным», кулацким элементам русской деревни и доставалось от инородческого восстания, подобного вышеописанному. Все остальное русское население как посада, так и деревни сделалось невольным союзником инородческого. Это все имущественно несостоятельные или малосостоятельные, граждански и политически закабаленные и угнетенные элементы, это, следовательно, большинство как русских, так и инородцев. Такие элементы, т. е. основные народные массы русских и инородцев, не могли бороться не солидарно. За такими русскими скопищами шли инородцы, но бывало, что и русские крестьяне шли за инородческой массой, например, за громадными ско-

---

1 Моск. арх. бывш. мин. юст., разр. приказ, моск. стол. столбец 441.

пищами чувашей, которые вместе с черемисами (мари) были едва ли не самыми упорными в своей борьбе с московскими властями. Среди чуваш и черемис было очень мало богатых, но все-таки они были, экономическое расслоение общества уже имелось налицо, и потому известная часть инородцев, например, чуваш и татар, не участвовала в движении, а, напротив, так или иначе оказывала содействие московскому правительству в его борьбе с восстанием. Инородческая, более крупная, хотя и немногочисленная буржуазия видела, что восстание «меньших» и «голых» не щадит ни имущества, ни жизни «больших» и богатых людей, а потому невольно жалась к русским собственникам—боярам, дворянам и купцам. Таковы, например, ясашные чуваши Савинко и Илчибойко Савганеевы и Яшмураска Ахпаев, которые поспешили донести московскому царю не только на целое скопище, приходившее к Цивильску, из «воровских русских людей, мордвы, татар и чуваш, но и поименно на известных им своих сородичей чуваш, с точным указанием, кто из какой деревни, как на коноводов чувашского мятежного «собрания». Доносчики—несомненные деревенские богатеи, кулаки. Одни сообщения о том, что было у них отобрано бунтовщиками чувашами, вполне доказывают это. У Савинка было взято всякого добра на 300 рублей; у Илчибойка—80 рублей деньгами; у старика отца имущества на 50 рублей да деньгами 240 рублей; у Яшмураска на 100 рублей добра да 50 рублей деньгами [1]. Таким образом, в своей экономической основе борьба была классовой, боролись две неравных социальных группы—незначительное сравнительно меньшинство господ и богачей и огромнейшее большинство рабов и бедняков.

[1] Материалы, стр. 82 и 83.

В начале борьбы за отсутствием у правительства на местах достаточно вооруженной силы верх взяло большинство. Движение от Симбирска распространилось в западном и северо-западном направлении. Все города повсюду, где появлялись отряды казаков Разина, переходили на сторону восстания, а за посадскою «чернью» поднималось и крестьянство как русское, так и нерусское.

2

Познакомимся с некоторыми наиболее интересными подробностями народного движения в обоих направлениях—сначала западном, а потом в северо-западном. В западном направлении в сентябре (1670 г.) к Тамбову был послан Разиным из-под Симбирска первый отряд под начальством казака Михаила Харитонова. Программа похода была вполне определенной—та самая, которая была объявлена Разиным и принята его казацким войском еще в Царицыне, но с тою только разницей, что итти «под государевы города» для вывода воевод и бояр этому отряду пришлось не Волгой, а сухим путем. Вверх по Волге поход был задержан под Симбирском, и Разин решил от Симбирска послать свои авангарды на Русь разными сухопутными дорогами, повидимому, в расчете на поддержку этих предприятий «градскими» меньшими людьми и крестьянством. И в начале этого рода действий разинского казачества надежды вождя стали оправдываться. Первый город, на который обрушилась партия Харитонова, Корсунь присоединился к казакам, и корсунские посадские люди вместе с ними бросились в села и начали там разорять дворянские усадьбы и истреблять самих помещиков («бояр»). Это было сигналом для крестьянства, оно немедленно поднялось и

выдвинуло сейчас же из своей среды энергичных заправил по разорению помещичьих гнезд. Вслед за городом Корсунью был занят город Саранск, где казакам было оказано сопротивление; но город был взят приступом, и царский воевода с ратными людьми погибли. В этом городе в кругу было решено итти дальше—до Тамбова. И скоро весь этот район по черте от Симбирска до Тамбова был во власти повстанцев. Пенза была сдана Харитонову без боя, ибо посадская «чернь», лишь только увидала приближающуюся к городу толпу с красными знаменами и конскими хвостами на шестах, так сейчас же схватила воеводу и убила, приняв затем казаков как своих братьев-освободителей.

Здесь собственно казацкая партия пополнялась казаками же, приведенными другим атаманом, Василием Федоровым. Харитонов и Федоров начали воевать совместно. Они захватили Нижний Ломов, Верхний, Керенск, причем воевод первых двух городов казнили, ибо этих воевод жители не одобрили—«облиховали», а воеводу третьего города пощадили, отослав в город Шацк. В Керенске, как, вероятно, и в других городах, были истреблены и все правительственные бумаги: «указные грамоты,—сообщалось потом в Москву,—воровские казаки передрали и сожгли». После того, в Кадынском уезде, куда они вступили, направляясь к Шацку, толпы их увеличились еще двумя атаманами с их товарищами, а главное—крестьянами, так как они, проходя по деревням, брали в свое войско «от дыма», т. е. от каждого хозяйства. Началось усиленное разорение помещичьих имений, и сами крестьяне выдвигали из своей среды предводителей для таких операций вроде крестьянина по прозванию «Чирок», который действовал особенно беспощадно и энергично. К этим

казацко-крестьянским толпам скоро стало «приставать» и инородческое крестьянство—татары и мордва.

3

Но инородческие массы сыграли наиболее крупную роль в северо-западном направлении—от Симбирска к Нижнему, т. е. там, где значительная часть территории была населена именно ими, особенно чувашами, черемисами и мордвой. В этом, другом направлении Разиным был послан из-под Симбирска отряд с атаманом Максимом Осиповым. Этот самый Осипов был предназначен разыграть роль царевича Алексея Алексеевича. Пока казаки именовали его просто Нечаем в знак того, что крестьянство не чаяло увидеть царевича и что это будет для него счастливою нечаянностью. У них и боевой крик (ясак) был «Нечай». С ним, с этим лозунгом атаман Осипов взволновал весь край. Алатырь был взят и сожжен; Курмыш, Ядрин, Василь, Козьмодемьянск, Лысково, Мурашкино оказались во власти восставших. Воеводы частью бежали, частью умерщвлялись, изредка, впрочем, оставлялись и в живых и даже на воеводстве, как, например, курмышский воевода, который сам встретил «воровских казаков», вместе с городскими и «уездными людьми», т.-е. крестьянами, сбежавшимися в город. Заняв Лысково и переправившись через Волгу, партия Осипова, крича: «Нечай, Нечай!»—пыталась зажечь и штурмовать Макарьевский Желтоводский монастырь (находящийся на левой стороне Волги). Но на первых порах «воровских людей» постигла здесь неудача. Монастырь, бывший и экономическим центром известной округи, нашел себе защитников помимо монахов и монастырской дворни в богомольцах и в сбежавшихся за монастырские стены крестьянах, которым

выгодно было защищать монастырь. Осада его затянулась на две недели. Присылались в монастырь и «воровские письма», т. е. агитационные листки, но они не возымели действия. Напротив, шесть человек казаков были даже захвачены и посажены в монастырскую тюрьму. Тогда повстанцы «большим собранием» с разинскими казаками во главе пошли на приступ, пытаясь при этом зажечь монастырь, но были отбиты с немалым уроном; «многих воров,—говорит один из участников обороны,—на приступе побили». На другой день утром архимандрит и келарь договорились с казаками подобру-поздорову. Монастырские власти вернули им раньше захваченных казаков; их принял тот атаман, «который к монастырю на приступ приходил»; он посетил и церковь в монастыре, и побывал у архимандрита в келье. Мир был заключен. Все нападавшие на монастырь со своими атаманами «отъехали» в Лысково. Это, очевидно, было вторым условием договора, если первым было возвращение атаману пленных «воров». Крестьяне, защищавшие монастырь от казаков и повстанцев, просили за эту услугу денег, указывая на свою нужду и на то, что «жены их живут в лесах». Но крестьянам было отказано в их просьбе, и после того им ничего не осталось, как разойтись из монастыря, что они и сделали. Монастырь был предоставлен самому себе. Ему снова стала грозить опасность от «воров». Действительно, всего три дня прошло после «казачья договора», как на четвертый день из Лыскова от «воров» присланы были в монастырь два попа с «воровским письмом»—прокламацией. Келарь прочел это письмо старцам и монастырской дворне (конюхам). Разное, повидимому, впечатление произвело чтение на первых и последних. К вечеру того же дня «многие,—рассказывает очевидец,—побе-

жали в Нижний». Это были монастырские власти и старцы, хотя и не все. А конюхи остались в монастыре и ожидали нового прихода «воров». Остались и два «старца», а именно «черный поп Лаврентий прозвищем Гудок» и «конюшей старец Иродион». Они не замедлили дать в Лысково «весть», «что архимандрит и келарь и старцы из монастыря вышли». Монастырь, следовательно, был покинут его главными обитателями и предоставлен своей участи, которую, вероятно, они усмотрели в сочувственном отношении монастырской дворни к «воровскому воззванию». В ответ на это сообщение из Лыскова на Макарьевский монастырь двинулась значительная повстанческая толпа в 6 000 человек. Беззащитный на этот раз монастырь был занят и разграблен. В монастыре было много всякого добра. В монастырских подвалах находилось имущество частных лиц—бояр, дворян, купцов, положенное на хранение или полученное в виде заклада, ибо монастыри занимались также и ростовщичеством. И ценностей, принадлежавших на праве полной собственности монастырю, было немало. Все это было взято—не только вклады и заклады, но и собственно монастырские ценности. Подлинный документ говорит об этом вполне определенно: «И в церквах на иконах оклады и церковную утварь и всякую монастырскую казну и Петра Годунова и иных людей животы все пограбили». Очевидец, свидетельствующий об этом, свидетельствует и о том, что в розыске по монастырю частной собственности казакам помогали перешедшие к повстанцам сами оставшиеся в монастыре монахи: «указывали,—говорит он,—те старцы, которые ворам весть подали» [1]. Теперь по документам

[1] Моск. арх. бывш мин. юст., разр. приказ, моск. стол, столбец 441, листы 130—140.

мы видим, что и среди монашеского духовенства произошло распадение на две группы—на громадное большинство, оставшееся с богатыми, собственническими классами, и на меньшинство, сравнительно незначительное, перешедшее на сторону бедных, не имевших ценной собственности, но желавших приобрести ее. По той или другой причине крестьяне раньше по известным побуждениям защищали монастырь, потом отшатнулись от него и, разбредясь по лесам, может быть, присоединились к тем крестьянским толпам, которые стягивал к себе в Мурашкино атаман Осипов. Около него собралось уже до 12000 человек из разных народностей края. Тут были и русские крестьяне, и мордва, и черемисы. Собственно «воровских казаков» было не более 100 человек, но они были руководителями этого сборища, и Макарьевский монастырь был взят отрядом одного из таких руководителей—отрядом, выделившимся из большой толпы Максима Осипова. Этот последний продолжал собирать людей, и к нему стекались новые толпы татар, чувашей и мордвы.

Осипов уже задумывал итти на Нижний, куда его звали городские низы населения, обещая сдать город и перебить начальство и вообще служилых людей. Сам Разин когда-то, как сообщали, писал, что ему придется «зимовать в Нижнем», и этим заявлением он тогда «многих людей на воровство прельстил». Поэтому поход Осипова на Нижний мог рассматриваться движением авангарда разинской армии. Но как раз во время сборов к этому походу из главного штаба означенной армии, от самого Разина прибыл к Осипову посланец с требованием помощи разбитому под Симбирском самому главному вождю. Этот вождь уже не воспрянул, и потому местные вожди действовали ка-

ждый на свой страх и риск, разрозненно, и такой способ борьбы повел к тому, что, при временных успехах вначале, затем в конце концов повстанцы должны были спасовать пред более согласованными и более организованными силами государства, т. е. высших, имущих классов.

4

Но это произошло не так скоро. Движение довольно долго продолжало распространяться, несмотря даже на поражения от царских ратных людей.

После поражения Разина уже в октябре (1670 г.) крестьяне по призыву его казаков поднялись и начали расправу с помещиками. Стольник Василий Нарбеков, возвращавшийся в это время из Арзамаса в Москву, потом на допросе в столице показывал, что, как он узнал во время пути, в Нижегородском уезде в вотчине князя М. Я. Черкасского «на Павлове перевозе, и в Богородицком, и на Ворсме, и в иных местах» происходило целое крестьянское восстание: «около тех сел мужики собрався с ворами,—сообщал стольник,—ходят, грабят и побивают до смерти и всякое разорение чинят» [1].

Движение в основе своей было именно крестьянское, сельское, хотя застрельщики являлись в крестьянскую массу из города. В самом деле, когда царское войско пришло очищать в числе других городов Козмодемьянск, то «уездные многие люди и села Юнги крестьяне» вместе с городским простым народом не убежали из города и решили защищать его от царских ратных людей оружием, приготовив для обороны ружья и пушки. Разумеется, у крестьян и у всей «черни» были руководители: один посадский человек Ивашко

[1] Материалы Попова, стр. 99.

Шуст и соборный поп Михайло Федоров. Но крестьяне и вся «чернь» были разбиты царскими ратными людьми, и старшины повстанцев, в том числе и поп Федоров, участвовавший в бою, были взяты в плен и заключены в козьмодемьянскую тюрьму. Этот поп Михаил Федоров участвовал не только в неудавшейся обороне города, но и раньше, когда город был еще в руках мятежников, он с большим скопищем русских, чуваш и черемис делали вылазки из Козьмодемьянска против царского войска. Он был одним из предводителей повстанческой толпы, разделяя начальствование над ней с казацким атаманом Пронькой Ивановым. Это не единственный повстанческий вождь из белого духовенства; в актах отмечаются и другие попы, торжественно и соборне, с причтом, с хоругвями, иконами и хлебом-солью встречавшие «воровских людей», наступавших всегда с красными знаменами и конскими хвостами на шестах. Были и такие попы, которые предводительствовали небольшими крестьянскими партиями и воевали не хуже казацких атаманов. Таков был, например, поп Савва, который во главе 18 человек крестьян, присоединившись к казакам, вел партизанскую борьбу с служилыми людьми.

Неудивительно участие представителей белого духовенства в крестьянском движении. Бельцы, стояли близко к крестьянству, сами землю пахали наряду с крестьянами и потому нередко терпели от администрации и помещиков наряду с ними же, как настоящие сельские мужики, хотя и духовной профессии [1]. Они

---

[1] Стоит только вспомнить, как рисует положение сельского попа близкий к рассматриваемой эпохе Посошков, хорошо знавший сельскую жизнь, как бывший крестьянин. Он говорит, что „сельские пресвитеры—самые люди простые: взрастет он в деревне—деревенски дела и смышляет", жизненный путь такого

боролись за те же крестьянские интересы, за освобождение от воеводы и помещиков. Формы движения этого социального состава, как и в других случаях, когда во главе стояли казаки или крестьяне, были однообразны и вполне соответствовали низкому культурному уровню того класса, который участвовал в восстании. Так, попадавшихся в плен эта партия повстанцев пытала и иногда запытывала до смерти, громила дома и «женскому полу чинила поругания».

Но были предводители повстанцев и прямо из крестьян, как, например, Семен, или Сенька Белоусов, атаманствовавший над шайкой в 500 человек. Акты указывают даже на «старицу» крестьянского происхождения Алену, которая «собирала с собой на воровство многих людей», действуя вместе с казацким атаманом Федором Сидоровым. Она была не только признана, но и сама себя признавала колдуньей. По тогдашнему обычаю эту партизанку ожидала смерть в срубе. Действительно, взятая в плен она была сожжена.

Только потому, что в крестьянских массах от известных нам жизненных условий назрела готовность к восстанию и нашлись даже свои люди с «воровской», т. е. революционной инициативой, только потому немногочисленным казакам Разина и удалось иметь успех на столь обширном пространстве. Правая сторона Волги от Свияжска и почти до Нижнего оказа-

---

пресвитера—крестьянский: „мужик за соху", рассказывает Посошков, „и поп за соху, мужик за косу—и поп за косу". Неудивительно, что и фигура такого мужицкого пресвитера—поповско-крестьянская: он, по словам этого наблюдателя, „в одежде златотканной, а на ногах лапти растоптанные и во всяком кале обваленные". Прямо от сохи или из скотского хлева „пресвитер" шел к отравлению своей побочной по отношению к крестьянскому труду священнической обязанности. Он и обедню служил в лаптях.

лась в руках поднявшегося на властей, помещиков и богачей населения—в руках «черни», как определяются повстанцы в актах. Города этого района было предписано воеводам очищать от «воров», но это было нелегко, ибо мятеж был упорен. Горела самая основа, почва организованного общества—государства, горел торф, а такой пожар трудно поддается тушению. Из горевших костров огонь перебрасывался еще в незажженные места, и они начинали пылать. Так, из занятого «воровским скопищем» Козьмодемьянска сейчас же выделилась шайка, собранная одним из выпущенных «ворами» «тюремных сидельцев», Ильей Долгополовым. «Воровские» казаки назначили его атаманом, и он, завербовав «в казаки» городских жителей и уездных людей, т. е. крестьян, бросился за Волгу на Ветлугу, и там эта шайка хорошо пошарила в служилых поместьях и вотчинах, истребив до десятка приказчиков; правда, потом другие приказчики, соединившись, поразили и разогнали эту шайку, но это пока еще не могло предотвратить других, подобных же партизанских предприятий. На Ветлуге долго господствовал и своими «прелестными письмами» поднимал городских бедняков во многих местах другой атаман—Илья, или Илюшка Иванов, который своими агитационными успехами заставил обеспокоиться самого московского царя Алексея Михайловича. «Прелестные письма» атамана Ильи Иванова оказывали потрясающее действие и на Унже. Представители городской буржуазии изо всех сил старались парализовать агитацию Ильи Иванова чрез местных жителей, но тщетно, ибо захвачены одни эмиссары—восстание поднимали и другие и тоже по «прелестным письмам» или «памятям», развозимым повсюду с поразительной быстротой. Захватил избной староста города Галича трех

человек—двух посадских и одного крестьянина, заподозренных в бунтовской деятельности. Следствием было выяснено, что «воровское письмо» принял от Илюшки Иванова целовальник Гурко Семенов, привез его на Унжу, где земский староста Тараско Григорьев сам, «вместо бирюча», «на торговой площади кликал клич». Народ собрался, пред ним выступил «посадский макарьевский поп Тимофей» и прочитал ему «воровское письмо». Но дальше оказалось, что не сам Гурко Семенов принес на Унжу «воровское письмо», а крестьянин Дмитрий Тонконогов (деревни Лутунина, принадлежавшей вдове стольника князя Алесея Лыкова); он и бунтовал вместе с другим крестьянином Якимом Федоровым (села Покровского, вотчины князя Якова Никитича Одоевского) при участии в бунте в качестве «заводчика» попа того же села Клима и дьячка Федорки Федорова. Все эти люди вместе с попом Тимофеем Андрониковым были схва-

чены и «посажены» в галицкую тюрьму, где их допрашивали и пытали. В конце концов выяснилось, что бунты «заводили» не земский староста и не целовальник—они играли чисто внешнюю пассивную роль и, может быть, даже из боязни «черни»,—а пришлые крестьяне при активном же участии в движении духовенства. Крестьянин Дмитрий Тонконогов, привезя «прелестные письма» на Унжу, распоряжался здесь диктаторски. Он приказал земскому старосте Тарасу Григорьеву «кликать клич», собирать народ. Тот не осмелился ослушаться, ибо приезжий эмиссар атамана Ильи Иванова угрожал, говоря: «Буде не прокличешь—я, Митька, пойду назад на Ветлугу и стану извещать казаку Илюшке Иванову с товарищами, и он за то тебя срубит». Угроза была нещуточная. Призывы «Илюшки» не были пустым звуком. Они зажигали.

В упомянутом выше селе Покровском князя Одоевского уже кипели «бунт и мятеж по такому же воровскому письму», по сообщению Тараса Григорьева. Это обстоятельство, по его же словам, и воспрепятствовало ему итти в Галич с «воровскими письмами» [1]. Очевидно, он, как земский староста, всячески старался обезопасить себя от ответственности по делу, для него чуждому, в которое он впутался в силу служебного своего положения.

Отовсюду шли известия о восстании крестьянства по воззваниям разинцев. Так, 28 декабря в ядринской приказной избе сотник деревни Чебаковы Кичак Сарбулатов да черемисы Пичура Пиндеев и Кючеш Абигечев с товарищами—очевидно, из сельских богатеев—«извещали» воеводу, что вся черемиса Ядринского уезда и некоторых деревень (Кукшик и Сутуги) Чебоксарского уезда «собрався в лесу от Ядрина в девяти верстах» и вблизи («за версту») «деревни Четаевы» «воруют», т. е. поднялись и бунтуют «по печатям воровских казаков». Царские служилые люди, посланцы для подавления восстания, спасовали пред бунтовавшею «черемисою», они были разбиты ею [2]).

Восстание распространялось и было весьма устойчивым. Иногда громадные скопища повстанцев терпели страшные поражения, рассеивались, но мятеж не прекращался, а оживал в другом месте, где усмирители встречались с новым повстанческим скопищем. Так, например, воевода Юрий Барятинский донес царю, что 6 ноября (1670 г.) он в Усть-Узенской слободе имел столкновение с толпой повстанцев в 15 000 чело-

---

[1] Моск. арх. бывш. мин. юст. разр. приказ. моск. стол, столбец 439, листы 22б—228.

[2] Моск. арх. бывш. мин. юст., разр. приказ, моск. стол, столбец 441.

век и поразил ее, выбив из этой слободы; причем один из атаманов, донской казак Мурза Кайка (татарин) был ранен, а подстрекателя к мятежу попа села Никитина (вотчины князя И. А. Воротынского Арзамасского уезда) и несколько донских казаков в плен взял и сейчас же их, «распрося», казнил смертью. Но толпа быстро собралась снова на реке Кандаратке. Из каких только мест не входили в нее обездоленные и угнетенные! Тут были и саратовцы, и самарцы, и корсунцы, и арзамасцы, и с Суры, и из Алатыря, Курмыша, Саранска, даже из Пензы, как городские, так и «уездные люди». И было их попрежнему много—до 12000 человек. Бой с ними правительственного войска был жестокий, беспощадный. Повстанцы были разбиты наголову и побежали «разными дорогами», побросав свои знамена (24 знамени остались победителям). При преследовании их много погибло. «Секли их воров,—сообщал царю победоносный воевода,—конные и пешие, так что на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи потекли». Пленных было не так много—всего 323 человека. «Заводчиков» воевода «велел посечь», а остальных привел к крестному целованию и отпустил по домам, считая их проученными [1]. Бой произошел 12 ноября; на следующий день воевода двинулся к реке Суре и здесь против села Поромзина остановился,—к победителю стали стекаться из-за Суры крестьяне Алатырского и Саранского уездов с покорностью. Победа произвела сильное впечатление: приходили, по словам воеводы, не только «с образами», но и «со слезами», и будто бы была «плачь неутешимая, и обещались,

[1] Материалы Попова, стр. 69 и 70.

что им ни к каким воровским прелестям не приставать и служить великому государю верно». 17 ноября и из города Алатыря явились к воеводе с повинною, тоже «со слезами», по его сообщению, «строитель и священницы с образами, и посадские люди, и стрельцы, и пушкари, и казаки». Пусть все это будет так, раз повстанцы разбиты, население сел и городов винилось, дабы избежать репрессий за восстание общественных низов при участии в нем всех недовольных своим положением; но все эти раскаяния, поскольку они касались крестьянства и черни, а также вообще всех недовольных, например, униженных и материально обездоленных членов сельского клира, были непрочны. Чуть-что—и все раскаявшиеся опять впадали в вину против «великого государя», ибо «прелесть» обещаний Разина, разносимых его товарищами, казаками, оказывалась обаятельнее представлений о «благочестивейшем» и «тишайшем» московском царе. Восстание долго не сдавалось. Приблизительно в то же время, в ноябре, когда князь Юрий Барятинский воевал на Кандаратке, вот что происходило под Козьмодемьянском, отобранным уже у повстанцев царскими ратными людьми. С этим последним повстанцы не помирились. Воевода сообщал московскому царю: «Многие козьмодемьянские градские жители и уездные русские люди (крестьяне) тебе, великому государю, изменили и ушли с воровскими людьми и воруют с ними заодно». Так же поступали и инородцы, например, черемисы. Воевода, сообщивший о переходе восстания в Ядрин, прямо сознается, что нагорные черемисы, которых он только что привел к «шерти», т. е. к формальному подчинению, вслед за тем «все великому государю изменили» и начали военные действия против царских военных отрядов. С другой стороны, воевода

особенно подчеркивает, что русские люди как из города Козьмодемьянска, так и из уезда—крестьяне—не остались тут, на своих местах, как «черемиса», а пошли на Ветлугу и в Ядрин «для воровства», для «заведения» бунта и в этих местах. Всего этого мало. 16 ноября сделана была попытка повстанцев, собравшихся отовсюду, отбить Козьмодемьянск у правительственной власти. Ночью, в десятом часу, русские люди, чуваши и черемисы штурмовали город, сбили сторожевую сотню казанских татар и во многих местах зажгли слободы, но были отбиты.

И позднее происходили подобные же налеты. Так, 28 ноября «воровские казаки» Иваны—Константинов и Васильев, а также Иванов Прокофий («Пронька») с 500 русских, приставших к ним, несомненно холопов и крестьян, с толпой татар, мордвы и «черемисы» и всяких голышей из разных городов напали на город Ядрин, захватили его, пограбили многих «градских людей» (богатеев, купцов), иных «прирубили», взяли с собой городские пушки, порох, свинец и «всякое ружье», а затем, как сообщалось в донесении, «пошли из Ядрина неведомо куды» [1].

5

Но сила солому ломит. Поэтому и восстание посадского черного народа и крестьянства под руководством голутвенного казачества в конце концов неминуемо было обречено на подавление. Восстание в самом себе таило причины конечной неудачи. Оно, как общее движение низов на верхи общества, не было организовано. Лишившись своего руководящего центра, главного штаба и главнокомандующего, обладав-

---

[1] Материалы, стр. 148.

шего даром личного внушения и обаяния и с поражением потерявшего этот дар, восстание разбилось по отдельным районам, отдельным городам и селам и превратилось в не связанные между собой (не координированные) партизанские действия. В таком состоянии восстание порознь легко могло бы быть скоро подавлено, особенно если мы не забудем о плохой организованности отдельных повстанческих партий и о плохом же вооружении громадного большинства повстанцев, несмотря на то, что у них были и взятые в городах пушки. Но воеводы, посланные московским правительством для усмирения бунтовщиков, сравнительно долго не могли достигнуть своей цели. Как это видно из сообщений их царю, они хорошо понимали, что разбитие повстанцев «врознь»—хорошее условие для подавления мятежа, и указывали, что необходимо употребить все усилия, чтобы «воры» снова не собрались вместе и вместо разрозненности, в какой они находились, не стали бы действовать единым фронтом. Но беда для властных и богатых заключалась в том, что московское правительство долго не могло стянуть в волнующиеся места надлежащие военные силы. Многие служилые люди—помещики не явились оказались «в нетях», хотя и понимали, что мятеж очень близко их касается, как борьба подневольных с господами. Войска у правительства на весь край нехватало. Даже когда волнение началось, недостаток ратных людей сильно давал себя чувствовать.

В начале восстания положение на местах приблизительно было такое, какое, по одному из донесений царю, создалось в Ольшанской волости. 9 сентября (1670 г.) приехали «воровские казаки» вместе с острогожскими черкасами (украинцами). Воевода Ольшанки был связан и сброшен с башни, а затем исколот сабля-

ми. Начальных людей, присланных на помощь из Белогорода, перебили, «а иных в воду пометали». Само собой ясно, «воеводские животы» (имущество) были «разграблены». Захвачены также были казенные бочки пороха («зелья») и пушка, увезенная «ворами» в «Острогожский». Доносителю было известно, что эта партия донских и украинских казаков хотела итти к «Коротояку». Далее доноситель сообщал царю, что в «Ряском (Ряжске) пушечного наряду и мушкетов и в казне зелья и свинцу немнога», фитилей же совсем нет. Поэтому сидеть в «Ряском» против «воров» «не с чем и ненадежна». Да и настоящего войска нет: «которые, государь,—писал доноситель,—твои, великого государя, были в Ряском служилые люди драгуны и солдаты, с ружьем, те все высланы на твою, великого государя, службу в полки» [1]. Или, например, один из главных усмирителей, князь Юрий Барятинский, донося царю о том, что «до Суры и до Поромзина городища... становится тише», указывал на недостаточность у него ратных людей для подавления мятежа за Сурой, где тогда еще было «воровство великое». «А как бы,—писал воевода царю,—у меня, холопа твоего, были прибавочные ратные люди, конные и пешие, и крови и бунтов бы никаких не было». Воевода просил прибавить ему ратных людей, конных и пеших. Мало-помалу ратные люди, конные и пешие, были собраны, и усмирение пошло быстро. Среди этих ратных людей первостепенное значение имели отряды солдатские, рейтарские и драгунские, обученные европейскому военному строю. Против них не могли устоять плохо вооруженные и нестройные толпы

---

1 Моск. арх. бывш. мин. юст., разр. приказ. белогор. станицы, столбец 687.

повстанцев. Словом, стало повторяться то, что произошло под Симбирском в боях с Разиным. Поражение следовало за поражением, и окрестное посадское и крестьянское население, не раз, может быть, изменившее своей присяге, наконец, после повторных поражений действовавшей в их районе повстанческой толпы приводилось в полную и достаточно прочную покорность. Восстание постепенно погасало и, наконец, погасло. Когда не смирившийся еще атаман Астрахани Федор Шелудяк, заменивший здесь умершего Василия Уса, повторил опыт Разина, двинулся с войском казаков и оказачившихся вверх по Волге, то он не имел успеха,—ни посадские бедняки, ни крестьяне уже не поднимались. Это значило, что движение, возбужденное Разиным, задавлено. Бояре и дворяне при содействии им всех богачей—высшего духовенства и купечества—победили. Началась расправа их с побежденными.

Глава IX

Расправа

Уже мы видели, что расправа с повстанцами производилась после каждой частной победы над ними. Предавали смертной казни прежде всего «заводчиков», зачинщиков мятежа. Так, например, князь Данило Барятинский, посланный еще 17 октября воеводой князем Урусовым из Казани (из операционной базы для борьбы с восстанием) за Волгу на горную сторону «для очистки» Свияжска, Цивильска, Чебоксар, Козьмодемьянска и других городов и уездов, разбил повстанцев (19 октября) на речке Белой Волошке, в двадцати верстах от Свияжска. Повстанцев было тут всего 500 человек, многие из них были побиты, другие разбежались, но 13 человек были взяты в плен, и из них 7 человек чуваш князь Барятинский сейчас же велел повесить, а трех русских бить кнутом; 2 чувашина были приведены к присяге («шерти») и отпущены «для уговору иных чуваш и черемисы». Очевидно, до полного подавления мятежа рассчитывали не на одну виселицу и кнут, но и на «уговор». Этот последний способ повторялся и дальше, ибо, действительно, всех перевешать и даже перепороть было невозможно. Коноводов движения «воровских казаков» было немного—

бунтовала масса, «все мужичье» [1], как свидетельствовал один поп, по его словам, пострадавший от «воров». И, как видно из актов, из донесений с мест, был принят пока такой способ покорения волновавшихся: устрашать их казнями некоторого количества признанных воеводой наиболее виновными в «воровстве», а других захваченных, приведя к присяге, отпускать «для уговора» всей остальной массы поднявшегося «мужичья». Поэтому, когда правительственным войском был взят у повстанцев Козьмодемьянск, то 400 пленных повстанцев были «нещадно биты кнутом», а затем из них 100 человек было «казнено». Как? А вот как: «отсечено по персту у правой руки», а иным и по целой руке. Это еще не все: 60 человек из сотни объявленных «пущими ворами и заводчиками» были умерщвлены. Расправившись так, князь Данило Барятинский «козьмодемьянских градских жителей» отправил в уезд «для уговору» крестьянства, «чтоб те уездные русские люди и черемиса,—писал воевода царю,—в винах своих тебе, великому государю, добили челом и шли б в город Козьмодемьянск русские люди к вере, а черемиса к шерти» [2]. Не столько, однако, «уговором», сколько повторными поражениями повстанцев и самым свирепым террором достигалась покорность бунтовавшей народной массы. Князю Даниле Барятинскому из Москвы было отдано предписание: промысел над ворами чинить, «чтоб единолично в понизовых городах воровство искоренить и воровских заводчиков вывесть». И ради этой цели «заводчикам» пощады не было. Сам «тишайший» Алексей Михайлович подавал пример жестокости. Когда его усмотрению была предоставлена судьба взятого в плен казац-

[1] Материалы Попова, стр. 121.
[2] Материалы Попова, стр. 79.

кого атамана Соболева, то добрый царь приказал отрубить ему руки и ноги, а туловище повесить. Отсюда неудивительно, что и воеводы с легким сердцем вешали смертельно раненых повстанцев [1]. Повешение практиковалось всюду, где только происходили стычки и бои с повстанцами. Князь Юрий Долгорукий из мятежников, забранных под Курмышем, двух черемис и трех татар велел повесить, двум подъячим, участвовавшим в «воровстве», и одному стрельцу велел отсечь руки, остальных пленников посадили в тюрьмы. Вешали по берегам рек и речек, ставили виселицы с повешенными на плоты и пускали по течению реки. Практиковалось и четвертование. Так, после разбития повстанческой толпы человек в 700 воеводы Милославский и Ермолаев распорядились с 20-ю попавшими к ним в плен следующим образом: «Мы,—отписали они царю,—велели всех казнить смертью, а пущих воров четвертовать» [2].

Случались и массовые расправы. Был бой с мордвой, не желавшей подчиниться московской власти даже тогда, когда мордовские места (Арзамасский и Алатырский уезды) в значительной мере были очищены от «воровских людей». Непокорная мордва была разбита и, разбежавшись, попряталась по деревням. Начальник экзекуционного отряда думный дворянин и воевода Ф. И. Леонтьев не долго думал: он приказал «те деревни сжечь», и «воровские люди многие в тех деревнях сгорели», как сообщал царю товарищ решительного воеводы по усмирению князь Юрий Долгорукий [3].

---

[1] Подробности см. в названных выше моих „Народных движениях до XIX века".

[2] Моск. арх. бывш. мин. юст., приказ казакского дворца, столбец 26.

[3] Материалы, стр. 140.

Когда поражениями и террором население было подавлено, по уездам рассеялись сыщики, начавшие хватать участвовавших в движении крестьян и приводить к следователям и судьям, снабженным от царя самыми чрезвычайными полномочиями. Эти следственно-судные комиссии не знали уже никакой пощады. Так, например, в приказную избу пред Ваську Голохвастова и Стеньку Шарапонова, как сами себя называли в донесении к царю эти следователи и судьи, были приведены арестованные в Нижегородском уезде помещичьи холопы и крестьяне, о действиях которых было сказано выше. Прежде всего было представлено 29 человек. Как же с ними поступили следователи и судьи? «Мы, холопы твои,—донесли они своему государю,—пытав, велели казнить их смертью». Но оставалось еще 57 человек, арестованных в том же уезде. Эти «в распросе» утверждали, что «были у воровских казаков поневоле». Они все были биты кнутом, но этим дело далеко не закончилось: из наказанных кнутобитием «одному человеку отсечена левая рука по запястье, у двадцати человек отсечено у левых рук да у правых ног по два перста меньшие», а потом все битые и отмеченные этими отсечениями были отданы их господам, помещикам и вотчинникам [1]. Властям казалось, что не смертью «казненные люди» хорошо проучены, а трудоспособности они лишены не были, даже и лишившийся руки мог быть чем-нибудь полезен, ибо у него предусмотрительно была отсечена левая. Так приводилось к прежнему повиновению и прежней работе помещикам и вотчинникам поднявшееся против них крестьянство. Когда наступила опять мертвая тишина в горевших пред тем народным

[1] Моск. арх. бывш. мин. юст., разр. приказ, моск. стол, столбец 141.

гневом районах Среднего и частью Нижнего Поволжья, расправа над повстанцами не кончилась, а, напротив, сделалась еще более бесчеловечной. Эта расправа была сосредоточена в руках князя Юрия Алексеевича Долгорукого и производилась им под городом Арзамасом. Сюда, в его следственно-судебную ставку доставлялись арестованные со всех сторон. Суд был короткий—отсюда живыми не уходили. Весь вопрос, очевидно, сводился к тому, какому роду смерти подвергнуть тех или других приведенных. Здесь прибегали ко всем формам смертной казни. Один англичанин, бывший тогда в Московии (Muscoviy), набросал, как очевидец, следующую правдивую картину того, что происходило в военно-полевом суде под Арзамасом: «На это место было страшно смотреть,—оно походило на преддверие ада. Кругом стояли виселицы, на каждой из них висело человек сорок—пятьдесят. В другом месте валялось множество обезглавленных, плававших в крови. В разных местах находились посаженные на кол, из коих немало оставалось живыми до трех суток, и слышны были их голоса. В том месяце от рук палачей, по судебному приговору, по выслушании свидетельских показаний погибло одиннадцать тысяч человек» [1]. Так помещики и вотчинники Московии, начиная с самого царя, ответили на попытку низших общественных слоев, посадской «черни» и особенно многочисленного крестьянства сбросить с себя ярмо крепостнического землевладения и торгового капитала, на попытку уничтожить самих собственников земли и богатств, нажитых за счет народного труда.

---

[1] Чтения Общества Истории и Древностей Российских книга 174, т. III, 1885 г., стр. 72.

Заключение

Мы видели, что в XVII столетии на Руси началась борьба городского «черного» народа и крестьянства за лучшую жизнь с достатком, землей и свободой. Два раза в XVII столетии была сделана попытка завоевать такую жизнь: в так называемое Смутное время и в Разиновщину. Оба раза основной силой движения являлось крепостное крестьянство, но оба же раза в движении принимало участие и городское простонародье, по своему материальному положению и образу жизни мало чем отличавшееся от крестьянства. Далее, как в Смутное время, так особенно в Разиновщину «градские люди» бывали застрельщиками движения в той или другой местности, но главными возбудителями восстания в оба эти момента были люди, ушедшие из холопства, из нищенского и крепостного состояния—в казачество, так называемые «воровские казаки», казацкие пролетарии, которым нечего было терять, но которые стремились экспроприировать богачей и обещали сделать богатыми и свободными всех бедняков. В оба момента народного восстания в Смутное время и в Разиновщину неимущие низы стремились захватить собственность имущих верхов. А если перемещалась собственность, то должна была перемещаться и власть от верхов к низам. Но в тех формах,

в каких происходило перемещение власти, так же немало своеобразного, относящегося именно к очень стародавним временам, как и в формах перемещения собственности. В обоих случаях господствовали стихийные процессы.

Но существует и разница между этими обеими великими народными революциями. Прежде всего они развернулись в двух различных районах Московского государства: Смутное время преимущественно на юго-западе и в центральных местностях, а Разиновщина—преимущественно на юго-востоке, но с значительным распространением на север (до Унжи и Ветлуги включительно) и запад (до Воронежа и Тамбова). Разницей же в территории движения обусловливалась и неодинаковость его социального состава. В Смутное время холопский элемент государства имел большее значение, чем собственно крестьянский, да и крестьяне, повидимому, поднялись лишь те, которые по своему положению были близки к положению холопов, и во главе восставших мы видим бывшего холопа Болотникова. Во время разиновщины после голутвенных казаков наиболее видная роль принадлежала городской и сельской мелкой буржуазии. В громадных крестьянских массах тонут собственно холопы, совершенно сливаясь с ними. Так как главный театр восстания в Разиновщине—Нижнее и Среднее Поволжье, то во время этого движения гораздо шире и устойчивее, чем в Смутное время, развертывается инородческое движение, бывшее, разумеется, исключительно крестьянским.

Казачество в обоих движениях (Смутное время и Разиновщина) имело руководящее значение, но в Смутное время оно разделяло свою руководящую роль с представителями провинциального дворянства и даже

частью боярства, а также с начальниками польских отрядов, участвовавших в борьбе за обоих Лжедмитриев, в Разиновщине же казачество было единственной руководящей силой. Соглашательство различных социальных групп и их вождей в Смутное время не пошло на пользу холопско-крестьянской массе. Каждый из общественных элементов боровшейся с Шуйским повстанческой армии преследовал свои собственные интересы, и в конце концов холопско-крестьянская масса, предоставленная самой себе, была разбита; после того ей ничего другого не оставалось, как действовать вразброд и анархически против своих врагов. Анархичность холопско-крестьянского движения как такового, несмотря на то, что оно цеплялось за царское имя,—это одна из существенных особенностей Смутного времени. В Разиновщине, вследствие единого руководства, заметно больше дисциплины и целесообразности в действиях инсургентов. Кроме беспощадной борьбы социальных низов с верхами с целью захвата земли (как и в Смутное время) Разиновщина также выставила новую, именно казацкую программу по переустройству социально-политического порядка.

В самом деле, в Смутное время вожди движения не имели плана какого-либо нового государственного устройства: они манили народные, преимущественно холопско-крестьянские массы местами в старом государстве—местами бояр, воевод, дьяков, приказных, они манили заменой прежнего правящего класса новым из бывших холопов и крестьян, но в старых званиях и должностях. Во время Разиновщины вождями уже выдвигался план нового государственного устройства—казацкое общежитие, ни от кого не зависимый казацкий круг с выборными властями, атаманами, есаулами, сотниками и пр., но уже без бояр, воевод и приказ-

ных—так, как жили на Дону и на других, занятых казацкими обществами, реках. И беднякам посада, и обремененному государственными и боярскими повинностями, разоренному крестьянству нравились казацкие порядки, и беднейшая и наиболее угнетенная часть народа была готова их завести у себя на Руси; но сторонники казацкого уклада не понимали, как можно обойтись без главного ее хозяина—царя и без главного духовного учителя и всеобщего отца—патриарха, и руководящее в лице Разина и его товарищей казачество прибавляло к новому общественному, казацкому, строю и эти старые роли как некие, потерявшие при казацкой воле свой смысл, фетиши, к которым привыкла народная масса; но самим руководителям ее они были не нужны и выдвигались ими лишь в интересах агитации против «изменников бояр». С другой стороны, «бояре», т. е. не только собственно бояре, но и дворяне и вообще все чиновные люди, все богатеи и кулаки, вся собственническая, буржуазная часть общества, видя надвигавшуюся на себя гибель от «рабов» и «воров», за себя встала, напрягла оба раза, и в Смутное время и в Разиновщину, все силы, все жегораздо лучше организованные силы,—и ставка всех неимущих и подневольных оба раза была бита. Последствия этого поражения были особенно тяжелы для крестьянства. Если, как мы знаем, после первого поражения явилось закрепощение Уложением, то после второй борьбы, в эпоху Разина, когда крестьянство стремилось сбросить с себя наброшенную на него крепостную петлю,—окончательно выяснилось, что она на его шее в дальнейшем еще более затянется. Поражение Разиновщины было еще более губительным для крестьянства, да и для близкой к нему «черни» посада, потому что оно опиралось не только на луч-

шую организацию высших имущественных классов, но и на лучшее вооружение и обучение их военной силы. Стало очевидным, что при помощи этой силы, если ее в дальнейшем еще более усовершенствовать и дисциплинировать, сравнительно легко можно будет держать в узде всех закрепощенных и всех «голых». В недалекую уже от Разиновщины эпоху Петра I это было проверено на опыте.

В ту эпоху торговый капитал сделал столь большие успехи, что само русское государство явилось ярким выразителем именно его интересов. Необходимость расширить рынок, приобрести приморские земли и порты вызвала войны Петра I, из которых, как известно, одна Великая северная война потребовала страшного напряжения сил крестьянства; вследствие этого узел крепостного права затянулся на крестьянской шее еще туже. Ради завоевания торговых путей, иначе говоря—ради службы торговому капиталу создана была хорошо вымуштрованная регулярная армия, и крестьянская масса была уже в начале эпохи так придавлена, что, несмотря, на все вновь свалившиеся на нее тяжести, она не поддержала ни стрельцов, ни посадских, ни своего брата—беглых на Дону в кратковременных мятежных вспышках петровской эпохи. Они так и остались слабыми отголосками грозной и страшной Разиновщины. Ко времени Петра I положение крепостного крестьянства фактически ничем не стало отличаться от положения холопа, и Петр I, упразднив в интересах казны, т. е. того же торгового капитала, холопство как общественную группу, не платившую податей, тем самым подтвердил и для дальнейшего на деле существовавшее холопское по отношению к барину положение крепостного крестьянства.

В дальнейшем жизнь крестьянства в России шла под действием того же экономического фактора торгового капитализма. Создав в петровскую эпоху крупное фабрично-заводское производство в России и положив, таким образом, начало промышленному капитализму, торговый капитал продолжал развиваться и после Петра I и к эпохе Екатерины II довел крестьянина до такого состояния, что оно впоследствии определялось как «крещеная собственность» помещика. Это состояние крепостного крестьянина было социальным выражением развития со средины XVIII века хлебного экспорта из России, и, следовательно, чрезвычайного усиления интенсификации крепостного хозяйства.

Законом, запрещавшим крепостным жаловаться на своих помещиков под страхом ссылки в каторжную работу, крестьянин, в сущности, отдавался под полную власть помещику, которая в иных случаях походила на власть плантатора к своим черным рабам, с тою лишь разницей, что в России рабы были белые. Такое, в конечном счете, оказывал давление на крестьянскую жизнь развивавшийся в XVIII столетии торговый капитал. Ответом на это давление со стороны крестьянства было движение, во главе которого стоял Пугачев.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА М. К. П.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Глава	I. Потеря крестьянством земли	7
Глава	II. Развитие торгового капитала и влияние этого фактора на феодальный строй общества	12
Глава	III. Предвестники холопского восстания . . .	33
Глава	IV. Участие холопов и крестьян в движении Лжедмитрия I	37
Глава	V. Холопско-крестьянское восстание после воцарения Василия Ивановича Шуйского .	43
Глава	VI. Положение крестьянства после смутного времени	64
Глава	VII. «Собрание» на Дону голытьбы и ее предприятия „за зипунами“, перешедшие в широкое народное восстание в Поволжьи	74
Глава	VIII. Крестьянское восстание в Среднем Поволжьи	93
Глава	IX. Расправа	116
Заключение	. . . . .	121